

РУССКИЕ И ЯПОНЦЫ НА КАМЧАТКЕ

ГИБЕЛЬ КРЕЙСЕРА «НИЙТАКА»

26 августа 1922 г. на западном побережье Камчатки бушевал ранее невиданный шторм. Старожилов удивила не только его мощь, но и необычайно раннее начало. В результате удара стихии в Охотском море погибло не менее тринадцати шхун, пострадало множество промысловых участков. Утром 31 августа в Петропавловск из Охотска пришла шхуна «Виктор», принадлежавшая А. В. Петрову. Непогода застигла ее в пути. По словам Петрова, много лет жившего на Камчатке, это был доселе небывалый шторм. Одной из его жертв оказался японский крейсер «Нийтака», затонувший в районе Озерной почти со всем экипажем.

Бронепалубный крейсер «Нийтака» был построен в 1903 г. в Японии на казенном заводе в Иокосуке. Корабль водоизмещением 3 420 т со скоростью хода 20 узлов и длиной 102 м имел броневую палубу толщиной до 63 мм. Он был вооружен шестью 152-миллиметровыми, десятью 76-миллиметровыми и четырьмя более мелкими орудиями. Его экипаж насчитывал 320 чел. В японском флоте в период русско-японской войны 1904—1905 гг. имелись два корабля этого типа.

Воинское крещение «Нийтака» получил 27 января 1904 г. в знаменитом неравном бою с крейсером «Варяг», ставшем одним из первых эпизодов русско-японской войны. «Нийтака» входил в состав 4-го боевого отряда японского Соединенного флота под командованием контр-адмирала С. Уриу.

Утром 1 августа 1904 г. «Нийтака» в числе семи японских кораблей 2-й эскадры Соединенного флота под руководством вице-адмирала Х. Камимурэ участвовал в бою с владивостокским отрядом крейсеров, состоявшим из «России», «Рюрика» и «Громобоя». В этом столкновении российский флот лишился «Рюрика». «Нийтака» существенных повреждений не получил. После гибели «Рюрика» он принимал участие в спасении уцелевшей русской команды.

Крейсер весьма успешно действовал на завершающем этапе войны. Во время печального для российского флота Цусимского сражения он входил в состав 3-го боевого отряда вице-адмирала Дева. Командовал кораблем в этот период капитан 1-го ранга Шоодзи. Днем 14 мая

1905 г. «Нийтака» вступил в артиллерийскую дуэль с русскими крейсерами, руководимыми контр-адмиралом Энkvистом. В схватке, длившейся до вечера, корабль не получил значительных повреждений и не понес больших потерь личного состава.

Утром 15 мая «Нийтака» вместе с крейсером «Отова» и миноносцем «Муракумо» начал преследование поврежденного в дневном сражении 14 мая крейсера «Светлана», шедшего в сопровождении миноносца «Быстрый». В результате неравной схватки «Светлана» около 11 часов дня затонула, причем японцы не прекращали обстреливать гибнущий корабль до его полного погружения, в результате чего много русских моряков погибло от взрывов, уже находясь в воде. Спасать их сразу японцы не стали, погнавшись за «Быстрым». У миноносца не доставало угля и он, будучи не в состоянии обороняться, выбросился на берег. Чтобы беззащитный корабль не достался неприятелю, экипаж взорвал его.

Вечером 15 мая «Нийтака» в составе отряда из шести крейсеров и четырех миноносцев принимал участие в потоплении крейсера «Дмитрий Донской», возглавляемого капитаном 1-го ранга Лебедевым. Этот неравный бой длился несколько часов. Русский корабль повредил два японских крейсера и успешно отбил несколько торпедных атак. На рассвете 16 мая сильно разрушенный, но не сдавшийся «Дмитрий Донской» был затоплен командой в Японском море возле острова Дажелет. Его гибель стала последним фрагментом Цусимы.

Всего на «Нийтаке» за два дня боев 14—15 мая 1905 г. погиб один и получили ранения три моряка.

В соответствии с заключенным после войны Портсмутским мирным договором, Россия не могла содержать на Камчатке территориальные войска и нести вооруженную охрану ее берегов и Командорских островов. Территория полуострова отныне обслуживалась гражданским аппаратом. Котиковые, бобровые и песцовые промыслы на Командорах и мысе Лопатка охраняла и эксплуатировала особая береговая промысловая стража. Побережья Охотского и Берингова морей патрулировали специальные охранные крейсера, которым при необходимости предоставлялось право требовать помощь от военных флотов Японии, США, Англии и Франции. Эти однотипные суда, принадлежавшие Управлению государственных имуществ, — «Командор Беринг» и «Лейтенант Дыдымов» — пришли во Владивосток в июне 1907 г.

Одним из следствий Портсмутского мира стало заключение между Россией и Японией в июле 1907 г. особой конвенции, упорядочившей

взаимоотношения между странами в рыболовной сфере. Срок ее действия определялся в двенадцать лет. Фактически с этого времени на полуострове начался бурный подъем частной рыбной промышленности, в результате которого все его побережье покрылось сетью промысловых участков, число которых росло год от года. Лидирующие позиции в камчатском рыболовстве удерживала японская сторона.

По данным приамурского Управления государственных имуществ, в 1903 г. на Камчатке выставлялись на аукционные торги всего восемь участков, в 1907 г. количество снятых участков достигло 74, а в 1912 г. — уже 197. При этом на долю русских промышленников приходилось не более 15% их числа, да к тому же нередко заарендованные промыслы ими либо не эксплуатировались, либо передавались японцам.

По свидетельству приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, японское правительство в качестве меры поддержки своих рыбопромышленников в 1908 и 1909 гг. отправляло для патрулирования прибрежных вод полуострова вооруженные суда. Начальник экспедиции Управления водных путей амурского бассейна П. Крынин сообщал, что в 1909 г. на западном побережье Камчатки в районе реки Большой находился японский охранный крейсер «Хи-эй». Одновременно с ним берега патрулировали русский военный транспорт «Шилка» и крейсер «Лейтенант Дыдымов».

Естественно, что присутствие в территориальных водах России вооруженных судов другого государства без официальной на то просьбы не вызвало удовольствия русского правительства. В последующие годы «по ходатайству главной местной власти» японское патрулирование, непредусмотренное конвенцией, прекратилось как могущее «подавать только повод к нежелательным недоразумениям». Отныне на десятилетие вперед интересы японских рыбопромышленников на Камчатке обеспечивали российские законы и вооруженные суда.

Впервые после долгого перерыва японский военный корабль появился у камчатских берегов летом 1918 г. 12 июля в Петропавловске произошел антибольшевистский переворот, низложивший советскую власть. У руля области встал комитет во главе с А. А. Пуриным.

14 июля 1918 г. новая областная газета «Камчатский вестник» в первом номере известила о том, что Усть-Большерецк посетил японский крейсер «Мусаши-Кан». «Причина захода... нам неизвестна. Приходили в селение двенадцать человек с переводчиком, спрашивали о количестве большевиков. Через десять дней будут обратно». «Мусаши-Кан» пришел в Петропавловск 31 июля. Его стоянка продлилась

несколько дней, и 4 августа он покинул Авачинскую губу. 10 августа корабль вернулся, на нем приехал японский консул С. Огата. Прибытие крейсера, «получившего хороший прием», расценивалось большевиками как своеобразный жест Японии в поддержку новой власти.

В 1919 г. истек срок действия рыболовной конвенции. Япония начала переговоры о его продлении с правительством А. В. Колчака, организовавшим в апреле 1919 г. во Владивостоке Управление рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока. В результате действие соглашения было возобновлено «вплоть до его переосмотра». В 1919 г. японские корабли на Камчатку не приходили.

Они вновь появились здесь в 1920 г. В начале этого года на полуострове был арестован колчаковский управляющий областью, а власть перешла в руки военно-революционного комитета. Произошла советизация полуострова.

6 апреля 1920 г. была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР). На создание этого буферного марионеточного государства правительством Советской России пошло для того, чтобы избежать войны с Японией. «Вести войну с Японией мы не можем... потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна», — писал по этому поводу В. И. Ульянов-Ленин, председательствовавший в Совете Народных Комиссаров — правительстве Советской России.

В состав ДВР вошла и Камчатская область. Япония хотя и признала ДВР, но стремилась закрепиться в Приморье и на Камчатке. Интерес к полуострову проявляли и США, не желавшие того, чтобы он попал в сферу японского влияния. Центральное советское правительство начало «вбивать клин противоречий между США и Японией». Осенью 1920 г. в Москве шли переговоры с американским промышленником Вандерлипом о сдаче Камчатки в концессию. Советское правительство 30 декабря 1920 г., учитывая складывающуюся обстановку и имея в виду возможность заключения концессионного договора, подписало с ДВР новое соглашение о границах. По нему Камчатская область передавалась Советской России. 12 января 1921 г. это соглашение утвердило правительство ДВР, получившее от Москвы денежный заем и продовольственную помощь. Но сдача Камчатки в концессию не состоялась: в США к власти пришел новый президент, который не желал нормализации отношений с Советской Россией. Переговоры о концессии были свернуты.

Для камчатских же властей и населения американцы были далеко, а японцы — под боком. С этим приходилось считаться. После

русско-японской войны в Петропавловске сложилось интернациональное население: помимо русских, в его состав гармонично вливались многочисленные китайская, корейская и японская общины. Летом в городе в рамках реализации рыболовной конвенции действовало японское консульство. В 1920 г. его возглавлял консул Сиода. 7 июня 1920 г. он известил областные власти о том, что «в скором времени прибудет на Камчатку флотилия миноносцев, состоящая из четырех кораблей под командою капитана 2-го ранга Накамура и, кроме того, отдельно прибудет один крейсер под командованием капитана 2-го ранга Хара».

Заведующему областной канцелярией поручалось составить ответ консулу, указав в нем, что со стороны областных властей и рыбного совета при Временном правительстве Дальнего Востока также будут приняты меры к охране камчатских богатств силами судов «Командор Беринг», «Лейтенант Дыдымов», «Магнит» и «Сивуч».

Одной из причин появления японских кораблей на Камчатке назывались «Николаевские события»: в середине марта 1920 г. между японцами и красными партизанами произошли столкновения, сопровождавшиеся многочисленными жертвами. В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. одновременно во Владивосток, Николаевск, Хабаровск, Усурийск и Спасск, где были сосредоточены силы большевиков, вступили японские войска.

5 июля 1920 г. японское правительство выступило с декларацией, в которой обосновывало ввод войск большевистскими зверствами. «В течение времени от 12 марта до мая месяца сего года в Николаевскена-Амуре большевиками были самым жестоким образом убиты японский охранный отряд, чины консульства и японские жители, всего до 700 человек...». Занятие войсками местностей, «кои признаются необходимыми», объявлялось мерой по защите японских подданных. «Войска, в силу необходимости, будут оставлены в соответствующем количестве до тех пор, пока не создастся спокойное и устойчивое положение в вышеупомянутых местностях».

25 июня в Авачинскую губу вошел отряд боевых кораблей в составе «императорского военного судна “Кошу” и 9-го отряда миноносцев», прибывший «с единственной целью охраны рыбалок и японских подданных, проживающих на территории Камчатской области». Кроме них, на побережье находился крейсер «Нийтака», которым командовал капитан 1-го ранга Хиэда Личи Арита.

Имевшиеся во Владивостоке русские охранные суда и корабли Сибирской военной флотилии вполне могли самостоятельно обеспечить

порядок на рыбалках. Поэтому появление на Камчатке, давно находившейся под пристальным вниманием Японии, военного флота расценивалось как подготовка к захвату полуострова. Любая провокация по отношению к японским подданным теперь могла стать поводом для вооруженного выступления непрощенных гостей и оккупации области.

О причинах появления японских кораблей командир «Кошу» капитан 2-го ранга М. Хара заявил следующее: «Охранять нужно русские берега. Партизаны Николаевска и в других местах причинили большой ущерб народу...». На это местные власти отвечали, что «Камчатку сравнивать с Николаевском, Москвой и охоты нет. Здесь иная борьба за существование, иные труженики и иные политические воззрения. Здесь партизан нет, и в них нет надобности... Партизаны появляются вслед за появлением семеновцев, колчаковцев, розановцев и вообще элементов, которых насилые милей идей гуманных».

5 июля городская Дума в ответ на заявление капитана Хара выработала и вручила японскому консулу резолюцию, в которой отмечала, что горожане «все время стремились и стремятся к мирному сожительству с Японией, не нарушая ее интересов, а тем более не имели и не имеют стремления посягнуть на жизнь и имущество японских подданных, проживающих в городе Петропавловске». Дума уверяла консула в том, что она не задается «никакой целью к сепаратным выступлениям, нарушающим права японско-подданных».

Особое внимание японцев думцы обращали на предотвращение проникновения в город спиртного. В связи с этим консульство извещало об имевшихся случаях продажи спирта некоторыми матросами японских судов, на почве чего «может развиться усиленное пьянство малосознательных граждан города, а также вызвать помимо воли всего городского населения нежелательные недоразумения». Со своей стороны дума также приняла «решительные меры к прекращению всякой продажи спирта в городе Петропавловске, привлекая виновных к строгой ответственности».

7 июля японского консула посетила делегация областного исполнительного комитета в составе председателя И. Е. Ларина, члена комитета И. И. Гапановича и секретаря А. И. Бабкина-Байкалова. Она также вручила ему ответ на заявление М. Хара. В нем, в частности, говорилось:

«1) Население, зная о целях прибытия японских судов, соблюдает полное спокойствие и ни в чем не нарушает интересов японских граждан; почему для вооруженного выступления японского флота на Камчатке для ограждения интересов Японии не может представиться надобности.

2) Японское командование не должно сверх охраны японских рыболовов обременять себя заботами о покровительстве рыбопромышленности вообще, так как это лежит на обязанности центральных русских органов рыбного управления, а для областного комитета интересы камчатской рыбопромышленности являются предметом внимания, конечно, не менее, чем для японского командования.

3) Полагая, что международные отношения основаны на взаимности, областной комитет надеется, что соответственно жизненные права камчатского народа не будут нарушены Японией, и наше национальное достоинство не будет унижаться, чего не может допустить ни один патриот хотя бы временно слабой страны».

Консул, ознакомившись с врученным текстом, заметил, что заявление командира «Кошу» не было «вызвано какими-нибудь недоразумениями на Камчатке, которых здесь не было. Оно есть только обращение японского правительства к населению тех мест, где интересы русских и японцев встречаются».

Взаимоотношения между местными властями и жителями с одной стороны и японскими моряками с другой постепенно наладились. 13 июля 1920 г. командиры «Нийтаки» и «Кошу» в сопровождении консула и многочисленной группы офицеров посетили Петропавловское высшее начальное училище. Гостей встречал его инспектор П. Т. Новограбленов, показавший им помещения и все учебно-вспомогательные службы. Командир «Нийтаки» пригласил воспитанников училища побывать на крейсере. Утром 14 июля 1920 г. Х. Арита и М. Хара нанесли официальный визит в областной исполнительный комитет и в свою очередь «испросил разрешение на высадку для прогулок в пределах города Петропавловска экипажу крейсера».

15 июля председатель исполнительного комитета И. Е. Ларин и его сотрудник В. И. Ольгин посетили крейсер с ответным визитом. «Беседа длилась очень продолжительно, в которой выражались искренние намерения и побуждения Японии помочь России в целом и по возможности оказывать поддержку организациям... Капитан Арита предложил три пуда сахару, который будет направлен несчастным больным в колонию прокаженных...».

17 июля из Паланы пришло известие о конфликте местных жителей с рыбопромышленником Эккерманом, ловившим рыбу в устье реки японским неводом и силами японских рабочих, не имея на это разрешения. Хищнический лов вызвал недовольство населения, у которого этим отнималось основное средство его существования. Волостное

собрание создало комиссию, арестовавшую промышленника и конфисковавшую невод. На защиту Эккермана выступили работавшие с ним японцы. Конфликт мог закончиться кровопролитием. Паланцы просили областную власть распорядиться о закрытии промысла, прислать рыболовный надзор для расследования происшествия и предотвратить японское вмешательство в их дела.

Местная газета выступила с пространным комментарием этих событий в котором, помимо возмущения беззаконием, явно сквозило опасение возможного вмешательства в конфликт японских моряков.

«Не диво, конечно, что русский негодай, продававший совесть и честь за японские иены, смеется над русской слабостью и с радостью ждет, чтобы столкновение русских и японских рыбаков завершилось вмешательством японского флота, который, как нам заявлялось, немедленно примет меры, коль скоро японские интересы будут хоть немного затронуты. Неудивительно, что японские граждане, которые хотя и только жить в мире с нами, которые так возмущены нападением на японцев в Николаевске, выступают союзниками в заведомо преступном деле и вызывают жителей на кровавый спор там, где благодаря миролюбию народа и осторожности областной власти, не было ни малейшего повода для применения оружия...

Интересно, что скажет о действиях своих соотечественников здешний японский консул, и любопытно, что сделает японское командование, которое держит в Петропавловске четыре судна для “охраны японских рыбалок” — очевидно от русских насилиев, что будет оно делать, когда на русской реке насильничают японцы? Оно, быть может, скажет, что так и должно быть: японское право — на борту японских миноносцев. Но тогда не надо предупреждающих деклараций: нас, японцев, вынуждает посягательство на наши интересы... мы, японцы, покровительствуем рыбопромышленности... Тогда и мы, русские, будем знать, что ваши интересы — расхищение камчатского достояния, а ваше покровительство — голод камчатского жителя. Действуйте открыто, раз здесь ваша сила, а честных патриотов мало: идите на берег, ставьте ваши флаги, берите наши учреждения и обратите Камчатку в свое губернаторство.

Но хочется верить, что японское командование, которое здесь находится — честные солдаты, не говорящие раздвоенным языком; придя сюда для охраны мира, они окажут содействие областной власти, которая также не хочет вражды; мир нарушен японскими гражданами, и японское командование должно наказать сеющих бурю. Что до

Эккермана — предателя родной страны, рассчитывающего пожать барыши во время бури, которая может вспыхнуть, он не должен встретить ничего, кроме презрения в японском офицере и солдате, если только они знают, что такое любовь к родине, как принято думать о японцах».

Ради объективности следует отметить, что столь бурное выражение эмоций являлось отражением шедшей идеологической борьбы: газета выражала интересы областного руководства, имевшего просоветскую направленность, а поэтому явно не симпатизировала ни отечественным рыбопромышленникам, ни тем более японцам.

Впрочем, о том, что японцы не собирались уважать решения русских властей, свидетельствовал, например, вот такой, ставший известным на Камчатке, факт. 22 сентября 1920 г. крейсер «Лейтенант Дыдымов» арестовал в заливе Посъет за незаконную ловлю устриц несколько японских кунгасов. Японцы явились на крейсер, произвели на нем обыск и учинили допрос о причине ареста. Когда им пытались объяснить, что разрешать лов могут только местные власти, выяснилось, что они сами позволяют промышленять устриц и трепангов в территориальных водах России.

При возникновении же критических ситуаций морское братство было превыше всего. 7 июля 1920 г. уполномоченный областного военно-революционного комитета М. П. Воловников от лица местной власти выразил благодарность японскому командованию за помощь экипажу и пассажирам охранного крейсера «Командор Беринг», севшего 14 июня на камни возле мыса Лопатка. Люди, никто из которых не пострадал, высадились с него на берег, где пробыли до 24 июня. На следующий день японские миноносцы доставили их в Петропавловск. «Русское спасибо японским морякам!».

Акватория Петропавловского порта и прилегающая к ней территория активно использовались японским командованием для проведения учений. Так, 5 августа они проходили на портовой кошке, а на 25 августа было намечено осуществить «против судейских домов в бухте японский маневр, куда войдет один характерный номер». В связи с этим городские обыватели извещались о предстоящей минной атаке, во время которой японцы намеревались взорвать некий «кораблик». Событие не предвещало, «кроме ощущений слуховых, никаких иных опасений». По окончании учений корабли покинули ковш. 26 августа городская газета известила: «На радость рыбакам освободилась бухта. Все военные суда: крейсер («Кошу» — С. Г.) и миноносцы очистили вход рыбы в Петропавловский Ковш».

Японские корабли периодически сменяли друг друга в патрулируемых ими районах, заходя после этого в Петропавловск. Сюда же прибывали военные транспорты, снабжавшие их продовольствием и топливом.

Так, «Нийтака» ушел из Петропавловска утром 10 августа, а 31 августа он вернулся обратно из Усть-Камчатска. Во время очередной стоянки, 17 сентября экипаж крейсера «по случаю морского праздника» устроил гонки на шлюпках.

9 октября 1920 г. облысполком удовлетворил просьбу командира вспомогательного крейсера «Ивами» капитана 2-го ранга Ширане о сдаче в аренду дома бывшего окружного суда для отдыха посещавших город японских матросов. Он решил «подробности договора о сдаче в аренду выработать председателю облкома совместно с заведующим казенными зданиями». Вскоре командир «Ивами» устроил прием в честь областных и городских властей. Камчатцы не остались в долгу: 15 октября в распоряжение «городской комиссии по устройству ответного обеда» начальником народной охраны (милиции) были выделены «пятьдесят баночек спирта».

Осенью часть японских кораблей ушла на родину. В Петропавловске на зимовку остались «Ивами» и «Канто» — факт, ранее небывалый.

В марте 1921 г. Камчатка вошла в состав Советской России. В этом году Япония в одностороннем порядке прервала действие рыболовной конвенции, объявив так называемый «свободный лов», следствиями которого стали прекращение торгов на участки, накопление арендной платы за них на особом счете в Японии вместо внесения ее в российский казну и введение «режима самоохраны промыслов». Последнее подразумевало посылку на побережье полуострова отрядов военных кораблей.

25 марта 1921 г. стало известно, что японское правительство решило отправить «броненосец или крейсер и четыре истребителя (контрминоносца — *С. Г.*) к берегам Камчатки для обеспечения японских рыбных промыслов в течение лета, с мая по сентябрь».

По сообщению газеты «Иомиури», за неделю перед этим Япония получила меморандум правительства ДВР, объявлявший о передаче Камчатки в ведение центрального советского правительства. «Японские власти не могут уяснить себе того обстоятельства, что подобный акт был совершен в то время, когда шли переговоры между японским правительством и Читой по поводу японских прав на рыбные промыслы вдоль берегов Камчатки... Читинское правительство (правительство ДВР — *С. Г.*) передало права на Камчатку или с целью избежать

объяснений по поводу пересмотра русско-японского договора, или желая сделать этот вопрос предметом обсуждения между японским правительством и Советами». Газета полагала, во всех случаях Японии следует «принять собственные меры для охраны в будущем сезоне рыбной ловли. Поэтому понятно, что японские власти решили вооружить рыболовные суда и отправить военные корабли для защиты своих прав».

В начале мая 1921 г. была опубликована нота японского генерального консула, выражавшая мнение японского правительства по поводу использования рыболовных участков, расположенных на российской территории. «Ввиду того, что некоторые промышленники уже отправляются к таким участкам, на которых наступает рыболовный сезон, японское правительство считает невозможным дожидаться разрешения данных вопросов путем переговоров, поневоле вынуждено поставить, в виде чрезвычайной меры, условия, на основании которых разрешается производство японцами рыбного промысла в текущем году. Эти условия заключаются в следующем:

1) В текущем году японским рыбопромышленникам разрешается производство рыбного промысла на нижеуказанных участках по побережью русского Дальнего Востока: а) около 189 участков, которые находятся в аренде в текущем году, б) около 118 участков, на которые истек срок аренды в 1920 году.

2) Арендные платы и другие сборы собираются советом японских рыбопромышленников в русских водах “Рорио-суйсан-кумиай” в таких размерах, каковые должны вноситься в русскую казну соразмерно с прошлыми годами, и сдаются на депозиты в соответствующее учреждение. Расход этих денег производится лишь по указанию надлежащих властей.

3) Лица, занимающиеся рыбным промыслом, согласно вышеупомянутым условиям, пользуются защитой японских властей, как следует.

Само собою разумеется, японское правительство в силу этого постановления разрешает своим промышленникам производство рыбного промысла в самом ограниченном размере, а именно: лишь на таких участках, на каковые они имеют право. При том условлено, чтобы они вносили соразмерные арендные платы, сборы и прочее в депозиты. И на случай какой-нибудь тревоги, в промысловые воды отправляются японские военные суда приблизительно в таком количестве, что было летом прошлого года».

Вот как комментировала последнюю ноту газета «Голос Родины». Она сообщала о том, что японские рыбопромышленники, руководимые

известным токийским предпринимателем Сейроку Цуцуми, решили добиться у своего правительства расширения японских прав в русских водах. В результате их ходатайства, японское правительство разрешило своим соотечественникам, работавшим на Камчатке на условиях прежних арендных договоров, вносить арендную плату вместо русского казначейства в токийское. Оно также освободило их от контроля русских консулов. «Достигнув намеченных целей, группа Цуцуми принялась реализовывать полученные преимущества. Последовало объединение крупных японских рыбопромышленников в синдикат, известный под названием “Ничиро-Кайша”. Синдикат пользуется крупной поддержкой японских банков, стремится монополизировать рыбное дело вытеснением русских рыбопромышленников».

19 мая 1921 г. представители Петропавловской городской Думы и морского ведомства, городской голова и начальник народной охраны составили акт о том, что «Ивами» и «Канто» во время зимней стоянки сбрасывали шлак и мусор под лед, а после его вскрытия — в воду. Часть шлака с «Канто» была вывалена на берегу, «чем сделала берег ковша непроходимым». Далее в акте говорилось о том, что подобные стоянки, которые «не считаются с общегосударственными интересами, будут засорять бухту, делая этим небезопасным вход в бухту судов, а, отравляя нечистотами воду, препятствуют заходу в бухту весенней сельди», отражаясь на благосостоянии граждан. Акт был предъявлен областному комитету.

Комитет, соглашаясь с высказанным мнением, обратился в японское консульство, прося дать командирам судов распоряжение об уборке шлака в место, указанное городским самоуправлением, а также с тем, «чтобы в будущем шлак, мусор, и нечистоты не выбрасывались в бухту, а вывозились на берег и там уничтожались, так как отбросы, выброшенные приливом на берег, подвергаются гниению, заражая воздух».

20 мая в консульство обратилась и городская управа. «От граждан города Петропавловска поступают в управу словесные заявления, что долгое пребывание в бухте “Ковш” военного транспорта “Канто” очень загрязняет бухту, принимая во внимание, что все нечистоты с судна и часть шлака выливаются и выбрасываются просто в воду. Отравляя нечистотами с судна воду, тем препятствуется свободный вход в бухту весенней сельди и вообще рыбы, и до минимума уменьшает этим ловлю, что тяжело ложится на скудный бюджет петропавловского обывателя. На основании сего городская управа просит Вас уведомить управу, когда транспорт “Канто” предполагает выйти из бухты “Ковш”».

5 июня консул сообщил, что он передал обращение. Командиры японских кораблей ответили, что загрязнение территории порта стало следствием отсутствия в нем портовых правил и какого-либо специального оборудования. «Требования, изложенные в означенном письме, считаются несправедливыми, если только не существуют правила о порте Петропавловска, центральным правительством и на основании международных обычаев установленные, и не установлены сооружения и порядок, дабы прибывающие военные суда могли надлежаще соблюдать таковые правила и пользоваться соответствующими удобствами».

Вскоре «Ивами» и «Канто» ушли в Японию. Им на смену прибыли крейсер «Читосе» и три миноносца. «Нийтака» в 1921 г. на Камчатку не приходил. 21 июня командиры кораблей представлялись главе областной власти. Старший японский начальник — командир «Читосе» капитан 1-го ранга К. Эндо — сделал традиционное заявление о том, что целью их прихода является защита жизни и имущества японских подданных и покровительство привилегиям, «приобретенным... в этом крае, следовательно, Япония не имеет никакого намерения вмешиваться во внутренние дела России». (Интересно, является или нет «вмешательством во внутренние дела» присутствие военного флота одного государства в территориальных водах другого без его официальной на то просьбы?).

Далее Эндо сообщил: «Хотя предполагается, что русская власть, безусловно, считает своею обязанностью обеспечить жизнь, имущество и приобретенные японцами права, но Япония, принимая во внимание несчастные события прошлого года в охотском побережье и настоящего положения на Дальнем Востоке, которое еще не гарантирует полного спокойствия, вынуждена была послать вверенные мне военные суда в Камчатский район. При этом извещаю, что я не замедлю принять соответствующие меры только в тех случаях, когда жизни, имуществу и интересам японцев станет угрожать опасность».

7 сентября 1921 г. японские миноносцы покинули берега полуострова и отправилась на зимовку в Японию. Крупные корабли остались в порту, продолжая заниматься боевой подготовкой. Так, 13 и 14 сентября команда «Читосе» тренировалась в стрельбе в районе Култучного и Халктырского озер.

Ослабление государственной власти в России, занятой гражданской междоусобицей, способствовало бесконтрольному хозяйничанью японцев на всем побережье Охотско-Камчатского края. Зачастую это выливалось в недостойные для представителей великого государства формы. По сообщению, пришедшему с парохода Добровольного

флота «Сишан», ехавшие на нем японские рабочие агрессивно вели себя по отношению к русским пассажирам. По свидетельству очевидцев, «только благодаря благоразумию русских все наглые выходки японских рабочих были терпеливо снесены и обошлись без инцидента».

Этот случай был не единственным. Инспектор рыболовства Н. Н. Белов в отчете о деятельности промыслового надзора в западно-камчатском районе в 1921 г. сообщал о том, что японцы совершенно не выполняли его законных требований. Они заявляли, что «русского правительствa нет, а потому они, действуя по инструкции своего Общества рыбопромышленников (Кумийй), не признают русский надзор и считаться с ним совершенно не намерены... В принципе придерживаясь русско-японской конвенции, ввиду отсутствия русской законной власти, они получили все документы в Японии и с русским надзором по-этому считаться не будут...».

Японцы не только игнорировали распоряжения, но и нередко оскорбляли должностные лица. Это позволяли себе не только администраторы промыслов, но и обычно дисциплинированные простые рабочие. «“Русский собака”, “русский дурак” и другие более красочные слова были обыденными возгласами японских рабочих по отношению к проходящему надзору». Отмечались и случаи прямого нападения: один из рыбаков набросился на промыслового надсмотрщика с ножом.

Несколько инцидентов произошло и с участием военных кораблей. Так, 20 мая крейсер «Ивами» посетил остров Беринга. Его команда доставила сюда запрещенные к ввозу спиртные напитки. К вечеру все местное население было пьяно. Утром следующего дня японцы привезли «подарки»: девять пудов риса и старые вещи, сложив их возле помещения островного комитета. Собрание жителей решило эти «подарки» вернуть, отправив их на бывшей губернаторской яхте «Адмирал Завойко» в Петропавловск для передачи обратно на крейсер. Сделать этого не удалось, так как начавшийся шторм вынудил яхту уйти в море.

8 августа на острове Беринга местные жители задержали по подозрению в браконьерстве шестерых японцев. Для разбирательства их отправили на японском военном транспорте в Петропавловск. Однако спустя месяц нарушителей здесь так и не увидели, по поводу чего высказывалось мнение, что «сдва ли это будет сделано, так как известно, что японские транспорты с Камчатки ушли».

На зимовку в 1921—1922 г. в Петропавловске вновь остался вспомогательный крейсер «Канто». Вот несколько эпизодов, характеризующих его пребывание в порту. 7 февраля 1922 г. в помещении городской

управы проходило первое торжественное заседание гласных новой городской Думы. На нем присутствовали представители экипажа крейсера.

9 апреля на праздник Вербного воскресенья учащиеся городского училища в сопровождении заведующего областными училищами посетили «Канто» с экскурсией. Во время пасхальных торжеств «граждане имели большое удовольствие слушать духовой оркестр японского военного транспорта “Канто”. Ежедневно в течение двух часов оркестр исполнял лучшие части опер “Фауст”, “Риголетто”, “Кармен” и другие, и целые мелодии произведений японских и европейских композиторов».

16 мая по случаю отхода «Канто» в Японию его командир капитан 1-го ранга Сицида устроил прощальный прием для жителей Петропавловска. «С четырех часов пополудни можно было наблюдать стечение горожан около пристани “Нихон-Моохи” (японский торговый дом — С. Г.), откуда кунгасы перевозили гостей на судно. Когда собрались гости, командир судна попросил всех в зал, где играл духовой оркестр...». Вскоре «Канто» покинул Авачинскую губу, направившись на побережье. 25 мая он ушел с восточного берега в южном направлении...

А вот два не столь лирических сюжета, связанных с пребыванием корабля в петропавловском ковше, показывающих, что он находился здесь не только для услаждения публики звуками оркестра.

26 мая 1921 г. во Владивостоке произошел переворот, приведший к власти антибольшевистское Временное Приамурское правительство братьев Меркуловых. 25 сентября 1921 г. из Владивостока на охотскокамчатское побережье отправилась военная экспедиция. 28 октября один из кораблей экспедиции — военный буксир «Свирь» — вошел в Авачинскую губу. На следующий день советская власть в Петропавловске в очередной раз была низложена: члены обларревкома с верными им людьми ушли в сопки. 11 ноября в порт пришел пароход Добровольного флота «Кишинев», на котором приехал особоуполномоченный правительства Меркуловых в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич.

Заместитель председателя свергнутого обларревкома М. Савченко-Славский в своем докладе в Дальбюро ЦК РКП(б), датированном 17 октября 1922 г., сообщал о том, что в феврале 1922 г. «наши отряды численностью в 70 человек сделали натиск на город (Петропавловск — С. Г.), внимательно наблюдая за поведением японцев, которые приготавлились к тому, чтобы разоружить отряды областного комитета. Взять город с бою больше не пытались, но установили тесную блокаду... С 29-го апреля сего года... началась вторая кампания против Петропавловска. Отряд областного комитета увеличился до 100 человек...

Снова была попытка занять город Петропавловск, но в тот момент, когда один из отрядов пытался занять радиостанцию, с японского крейсера был высажен десант, вооруженный пулеметами, который направился против наступающих на город отрядов. Не зная положения на материке и тактики центра по отношению к Японии, от боя с японцами уклонились...».

Сведений о том, что во время завершившейся зимовки возникали прошлогодние проблемы с утилизацией отходов жизнедеятельности японских кораблей, не найдено. Можно предположить, что взаимоотношения между японцами и горожанами в этой сфере были каким-то образом урегулированы.

В 1922 г. Япония пыталась достичь соглашения по конвекционному вопросу с правительством братьев Меркуловых. Его сорвали, с одной стороны, протесты ДВР и с другой — нежелание объединения японских рыбопромышленников вести переговоры на эту тему. Весной 1922 г. поводом к захвату Японией полуострова, по мнению правительства ДВР, могло стать «отсутствие на нем законного представительства и административного аппарата РСФСР». В результате этого, например, могли быть потеряны Командорские острова с их огромными пушными богатствами из-за «неисполнения РСФСР обязательств по предоставлению содержания и питания охранной стражи на этих островах», вытекающих из ранее заключенных международных соглашений.

В конце весны 1922 г. на смену «Канто» пришел уже известный камчатцам «Мусаши-Кан»: он появился в Петропавловске 29 мая. Вечером 12 июня прибыл пароход «Косоку-Мару», доставивший уголь для кораблей японского флота. Кроме него отряд снабжали военные транспорты «Кошу», «Цуругизаки» и «Нозима».

16 июня в Петропавловск пришел крейсер «Нийтака» в сопровождении контрминоносцев «Мияке» и «Нияке». 20 июня на крейсере состоялся прием для городских властей. В этот же день на западный и восточный берега полуострова ушли оба миноносца, в Усть-Камчатск и Анадырь отправился транспорт «Кошу», а на север пошел крейсер «Мусаши-Кан». Миноносцы вернулись в порт в воскресенье 2 июля.

Рано утром 5 июля на западный берег Камчатки снялся «Нийтака». 15 июля в Петропавловск прибыл военный транспорт «Цуругизаки», привезший продукты для отряда. 20 июля «Нийтака» вернулся в порт, а ему на смену вышли миноносцы: один направился на север, другой — на западное побережье. 25 июля в порт зашел военный транспорт «Нозима», который спустя два дня ушел на восточную Камчатку.

4 августа в Петропавловск приехал заведующий пушными и рыбными промыслами Командорских островов Храмов, который сообщил о том, что на 11 июля на острове Медном промысловый надзор задержал шлюпку с пятью японцами со шхуны «Хичиман-Мару». Сама шхуна успела скрыться в море. 23 июля надзор здесь же арестовал шхуну «Сцито-Мару», на которой обнаружил 96 свежезнятых котиковых шкур и пять живых песцов. Всего было задержано 19 браконьеров, которых миноносец «Мияке» доставил для разбирательства в Петропавловск. Сама шхуна осталась на острове Медном.

В воскресенье 6 августа командование «Нийтаки» решило устроить спортивные игры и бег на призы, для чего дало в городской газете следующее объявление: «Начало в 12 часов дня. Вход бесплатный. Японское командование приглашает петропавловцев посмотреть спортивные игры и желающих принять участие. Особых приглашений не будет».

8 августа вернулся из похода «Нияке», а утром 11 августа на восточный берег ушел «Мияке». На следующий день, 12 августа, на западное побережье отправился «Нийтака». Это плавание стало для крейсера роковым.

О том, как разворачивались дальнейшие события, повествует опубликованное в русской печати японское сообщение. «Крейсер “Нийтака” стоял на якоре в море около реки Озерной, 51° северной широты и 32° восточной долготы. Ночью 23 августа подул сильный тайфун с юго-востока, и весь экипаж приготовился к встрече его. Утром 26 августа юго-восточный ветер переменился, и тайфун подул с юго-запада. Набежали волны и покрыли палубу сплошным водяным валом, откуда вода полилась во внутренние части и лишила возможность топить котел, кроме того, берег покрылся густым туманом и наконец корабль соприкасался с берегом моря. Не имея никаких средств спасти корабль, все утонули с кораблем. Когда “Нийтака” тонул, играл национальный гимн “Кими-императора” за императорское государство и за крейсер “Нийтака”».

Судя по всему, японцы не ожидали такого поворота событий и были застигнуты врасплох. Они оказались не готовы противостоять напору стихии. Сравнительно низкоротный крейсер, который, как показывал опыт, подвергался в шторм сильному заливанию и качке, был захлестнут волнами. Из его экипажа спаслись всего 16 человек: матросы Окада, Акагава, Такаяна-ги, Янагизава, Итакава, Кояма, Такахати, Маэда, Хиросэ, Цукада, Чишику, Кавахара, Ямагабаями, Танигучи и унтер-офицеры Камихуза и Хакаяема. Последний получил серьезные ранения,

остальные существенно не пострадали. Имеются сведения о том, что часть моряков находилась на берегу. Возможно, что именно они и уцелели.

26 августа, с получением известия о гибели крейсера, на место катастрофы отправился миноносец «Мияке». К полудню 29 августа здесь были найдены трупы 16 моряков. Среди них оказались командир крейсера капитан 1-го ранга Кога, штурман лейтенант Нураяма, мичманы Ота и Хакамада, старший унтер-офицер Хирай, унтер-офицеры Кобаяси и Кубота, матросы Наказима, Иноуэ, Накано, Макикава, Сато, Имадоме, Огава, Маэда, Такино. Как отмечалось в донесении, «все покойные прилично одеты. На них флотские формы и никаких признаков мучения не заметно». Дальнейшие поиски позволили обнаружить еще два десятка трупов.

11 сентября в Петропавловск из района кораблекрушения вернулся транспорт «Нозима», доставивший сюда останки моряков «Нийтаки». 15 сентября состоялось торжественное прощание с ними. В 12 часов дня поклониться праху покойных на транспорт прибыли делегации от петропавловского гарнизона, городского самоуправления и чинов гражданского управления. «В одном из трюмных помещений в носовой части транспорта, среди тишины вечного покоя, охраняемые часовыми матросами, спасшимися с крейсера “Нийтака”, предстали перед прибывшими в маленьких деревянных гробах испепеленные останки еще так недавно покинувших наш рейд японских моряков, в ожидании скорого отправления их на родину.

Здесь, в присутствии командира и господ офицеров транспорта и представителей местной японской колонии, начальник военной делегации подполковник Кузнецов от имени начальника гарнизона капитана 1-го ранга Ильина и военных чинов возложил венок, украшенный живыми цветами и лентами с надписью “Безвременно погибшим морякам крейсера “Нийтака” от гарнизона города Петропавловска-на-Камчатке”, выразив в краткой речи соболезнование и печаль императорскому японскому флоту, армии и дружественному нам японскому народу в постигшем их несчастье. И, отдавая последний привет погибшим, каждый военный глубоким поклоном попрощался с ними.

После выражения соболезнования начальника Петропавловского уезда господина Стецюк (эта временная должность была утверждена выехавшим с полуострова особоуполномоченным в Охотско-Камчатском крае Х. П. Биричем — С. Г.) был возложен венок с надписью “Морякам японского флота, погибшим на крейсере “Нийтака”, от чинов гражданских ведомств Камчатской области”. Городской голова господин

Колмаков возложил венок с надписью “Погибшим морякам крейсера “Нийтака” от Петропавловского городского самоуправления».

Командир «Нозимы» в краткой ответной речи поблагодарил депутацию горожан и военных. 17 сентября судно отправилось в Японию.

Остальные корабли покинули Авачинскую губу 26 октября 1922 г. 19 октября командир дивизиона миноносцев капитан 2-го ранга Накайма посетил городского голову и выразил благодарность населению города от имени японских моряков «за дружеское отношение во время сравнительно долгого пребывания их здесь, а равно за внимание к ним и содействие городского самоуправления, как-то: разрешение рыбной ловли, устройство игр и развлечений для команд в городе». На прощание Накайма, пожелав «скорейшего установления полного порядка в России и Камчатской области, дальнейшего процветания дружбы между соседями Японией и Россией, развития промышленности и взаимных операций», просил передать от японских моряков местным школам и Народному дому 50 и 20 руб.

2 ноября 1922 г. отряды белой русской армии покинули Петропавловск. На короткий период власть в областном центре перешла к городской управе. 10 ноября в город вошли красные партизанские отряды. Теперь здесь окончательно была восстановлена советская власть.

В 1923 г. японское военное присутствие в камчатских водах наблюдалось в тех же масштабах, что и в прошлые годы. Вечером 21 мая в петропавловский Ковш вошли «Канто» и три миноносца. По заявлению командира отряда, боевые корабли «прибыли сюда с дружескими намерениями спасти потонувший в прошлом году их крейсер “Нийтака” и его людей, миноноски же пришли еще и с другой целью — это следить за правильностью рыбной ловли японскими рабочими на арендованных японскими рыбопромышленниками камчатских рыбалках».

Реакция новых камчатских властей на прибытие эскадры была достаточно резкой. Вот она, изложенная пером яркого публициста В. М. Кручины. «Были точно такие же заходы и раньше, то есть в прошлые годы. Начальство таких судов обыкновенно сейчас же по прибытии расклеивало по городу Петропавловску объявления, в которых говорилось, что японские имперские военные суда, желая дружбы с русским народом, пришли охранять японских граждан, живущих на Камчатке, и тут же делалась приписка, в случае, ежели хотя бы одному императорскому подданному будет учинено какое-либо притеснение, то императорскими судами будут приняты решительные меры. Как видно, разговор начинается о дружбе, переходит к охране, видимо от этой дружбы,

“императорских подданных”, а в заключении говорится просто, что мы пришли сюда исключительно только за тем, чтобы вы, русские, не чинили препятствия нам, японцам, обдeldывать свои делишки...».

Губернский революционный комитет, представлявший на Камчатке советскую власть, теперь единственную власть на всей территории России, вернее, теперь уже СССР, не был извещен о прибытии японского отряда, оказавшись поставленным перед фактом появления иностранных боевых кораблей. «Приход военных японских судов в русский порт без всякого спроса и разрешения власти республики Советов, то есть рабоче-крестьянского правительства, больше чем непонятен».

Вывод же из случившегося был сделан такой. «Пользуясь своей технической силою, японцы не сочли за нужное хотя бы поставить в известность русское рабоче-крестьянское правительство о своем высокочеловеческом намерении спасать людей... Для нас их цель ясна. Первое: создать моральное давление на русскую власть и русское население вообще, чтобы в случаях нарушения японскими рыбопромышленниками тех или иных рыболовных правил они не соизволили бы учинить препятствие к оному. Второе: это давление на своих, забитых, угнетенных рабочих, чтобы они не вздумали заразиться большевистской заразой».

Итак, японцы, несмотря на изменение политической ситуации, по-прежнему чувствовали себя хозяевами положения на камчатском побережье. Нередко они действительно испытывали новую власть «на прочность». Так, 22 мая в Петропавловск зашел японский пароход «Синьо-Мару». На следующий день в бухте его не обнаружили. Пароход исчез, не оформившись. Это являлось грубейшим нарушением правил судоходства и демонстрацией неуважения к местной администрации.

«Ни в одном государстве, ни в каком порту, ни одно судно не может сделать того, что сделал пароход “Синьо-Мару”... Все это ясно и японцам... и, конечно, при другом стечении обстоятельств, командир “Синьо-Мару” не рискнул бы, войдя в иностранный порт, не оформив того, что положено, выйти из такового, не сообщив цель своего прибытия, своих дальнейших намерений и того места, куда он пойдет». Впрочем, через пять дней нарушитель вновь появился в Авачинской губе: в Усть-Камчатске его не допустили к разгрузке из-за отсутствия разрешения губревкома на право каботажного плавания.

Похожая история приключилась и с пароходом «Шохо-Мару», который также прибыл в Усть-Камчатск без необходимых документов. Получив соответствующее разрешение, вечером этого же дня он вновь отправился в Усть-Камчатск на рыболовный участок фирмы Ничиро.

В июне один из миноносцев остановился на створе петропавловского ковша, перегородив фарватер. Советское военное командование предложило ему освободить проход, переменив место стоянки на более подходящее, что и было выполнено в тот же день. Твердая позиция властей, видимо, произвела на японцев впечатление, так как после этого случая подобные грубейшие нарушения международных обычаев и правил мореплавания с их стороны в порту Петропавловска более не отмечались.

Местное военное командование позволило кораблям получать за плату воду из городского водопровода. Морякам, как и в прежние годы, разрешался съезд на берег для прогулок.

30 мая «Канто» отправился в Озерную к месту гибели «Нийтаки». Наиболее ценное оборудование и приборы сняли с крейсера и погрузили на транспорт. Останков погибших моряков не нашли. Для того чтобы очистить фарватер для прохода судов, корпус крейсера было решено взорвать. На берегу напротив места прошлогодней трагедии японцы установили памятник своим погибшим соотечественникам.

Японские корабли продолжали патрулировать советские берега до начала войны на Тихом океане между Японией и США, когда их пребывание возле Камчатки стало, по понятным причинам, невозможным.

АРЕСТ ЯПОНСКОЙ ШХУНЫ

Утром 7 июля 1933 г. советские пограничные власти задержали на восточном берегу Камчатки в пятидесяти милях от Петропавловска промысловую шхуну «Котохира-Мару», принадлежавшую японской «Тихоокеанской рыбопромышленной компании». Судно, капитан и команда в числе одиннадцати человек были арестованы и под конвоем пограничников отправлены в Петропавловск. По мнению советской стороны, шхуна работала в запретном районе — в пределах трехмильной зоны территориальных вод СССР.

В этот же день работавший на Камчатке дипломатический агент Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР Г. Тихонов посетил японское консульство в Петропавловске, сообщил о задержании шхуны и просил представителя консульства присутствовать во время выяснения обстоятельств дела.

Подобные происшествия возле камчатских берегов наблюдались ежегодно. Япония признавала территориальными водами вначале

России, а затем СССР трехмильную полосу вдоль их берегов. В 1908 г., принимая закон о морском рыболовстве, Россия установила двенадцатимильную зону территориальных вод. Так как Япония заявила о ее непризнании, а российская сторона на это ничего не ответила, то по этому спорному вопросу в то время не было достигнуто никакого определенного результата. После начала действия советско-японской рыболовной конвенции, заключенной в январе 1928 г., в октябре 1929 г. в СССР был принят закон, подтверждавший двенадцатимильное пространство территориальных вод. Японцы игнорировали и это решение. В результате из-за расхождения мнений сторон возникало множество случаев, когда японские суда арестовывались или подвергались осмотру с точки зрения Японии в международных, а с точки зрения СССР — в советских территориальных водах.

Нередко конфликты сопровождались потерей имущества (в результате конфискации судов и промыслового вооружения) и человеческими жертвами. Так, в 1925 г. в Охотском море был задержан краболов «Ристо-Мару», а в июле 1927 г. был убит капитан моторного катера «Нитто-Мару», принадлежавшего краболову «Кантон-Мару». По данным японской стороны, краболов пытался оказать помощь зафрахтованному СССР японскому судну, терпевшему аварию возле мыса Утхолокский. Когда катер подошел к нему, то был обстрелян, а его капитан погиб.

Частичное решение проблемы было достигнуто в 1928 г., когда в результате переговоров СССР обещал «не захватывать японских судов, не заходящих в трехмильную зону». В противном случае советские пограничники могли применять оружие. Так, в начале лета 1933 г. произошло очередное происшествие: пограничный наряд обстрелял группу японских рыбаков, в результате чего были убиты три человека. Впрочем, это действие было признано неправомерным. 2 июля 1933 г. в Москве советская сторона согласилась с требованием японского правительства о наказании виновных и возмещении причиненного вреда. Вскоре пограничники, причастные к инциденту, были арестованы. В их число попал начальник камчатской пограничной охраны Киселев.

Находившийся неподалеку от задержанной шхуны пароход «Хациман-Мару», ставший свидетелем происшествия, немедленно сообщил об этом японскому сторожевому кораблю, который в свою очередь сейчас же известил Морское министерство Японии. Последнее уведомило Министерство земли, леса и рыболовства (Минземлес), ведавшее японскими промыслами на Камчатке. В его распоряжении имелось охранное судно «Кинрэ-Мару», находившееся в тот момент в

районе устья реки Камчатки. «Кинрэ-Мару» немедленно снялось в Петропавловск «для обследования положения».

Незадолго до этого происшествия японские власти задержали два советских парохода, принадлежавших Дальрыбе. Оба судна, зашедшие в японские территориальные воды в районе Курильских островов, под охраной отряда полиции были отконвоированы в порт Немуро. Первое — пароход «Снабженец» — 2 июля отправилось с Камчатки во Владивосток. По пути оно изменило курс для того чтобы снабдить водой севший в мае 1933 г. в районе Курильских островов на мель плавзавод «Постышев». Второе, также следовавшее во Владивосток, должно было зайти на Сахалин для высадки пассажиров, но отклонилось от курса из-за непогоды. На обоих пароходах находились 280 пассажиров и более сорока моряков.

Затянувшиеся следственные действия, ведшиеся японской стороной, тяжело отразились на ни в чем неповинных людях. 11 июля 1933 г. газета «Асахи» сообщала о том, что их пассажиры и экипажи «из-за недостатка пищи находятся в тяжелом состоянии. Имеется один случай смерти и несколько тяжелобольных».

Японцы, считавшие задержание «Котохира-Мару» незаконным актом, рассматривали его как своеобразную месть за арест названных выше судов. Минземлес через японское Министерство иностранных дел заявило советскому правительству строгий протест и сожалело, что «несмотря на все учащающиеся конфликты, японские сторожевые корабли все же не имеют возможности высаживаться на советской территории». Японские дипломаты решили начать переговоры с советским правительством о том, чтобы впредь при возникновении подобного рода конфликтов можно было бы допускать на советскую территорию японские сторожевые корабли «по мере возможности».

Видимо, советские власти чувствовали себя неуверенно. Японский консул информировал свое правительство о том, что «со стороны СССР проявлена осторожная позиция». «Так как японская сторона стоит на твердой позиции, то со стороны СССР заметна вроде некая боязнь в отношении того, было или нет незаконное действие японского парохода. Поэтому СССР считает наилучшим выходом из положения обоюдное тщательное обследование обстоятельств дела, но до окончания обследования СССР требует 900 иен залога и согласен сейчас выдать обратно пароход “Котохира”». Тихоокеанская рыболовная компания, считая требование советской стороны неосновательным, дала распоряжение капитану Ямадзаки повременить с уплатой залога.

По заявлению японской печати, «настоящий инцидент с пароходом “Котохира” и прочие инциденты крайне ухудшили обстановку в местностях Камчатки. С возникновением инцидента о расстановке сетей в устьях рек, японская сторона в прошлом году на конференции рыбопромышленников (в 1932 г. — С. Г.) вынесла решение об обеспечении безопасности во время рыбного лова, однако СССР не считался с этим решением. Поэтому заинтересованные японские рыбопромышленники требуют заявления СССР строгого протеста в отношении инцидента с пароходом “Котохира”»).

В ходе следствия капитан Ямадзаки заявил о том, что его судно занималось рыбной ловлей на расстоянии около пяти миль от берега. Со стороны мыса Шипунского появились два небольших сторожевых судна, командиры которых приказали остановить лов. Японский капитан стал доказывать, что он занимался промыслом вне территориальных вод, но его доводы не были приняты во внимание, и ему пришлось подчиниться требованиям пограничников следовать в Петропавловск для разбирательства.

В его ходе между японским представителем, секретарем консульства Гото, и дипломатическим агентом Наркомата иностранных дел СССР (НКВД) Г. Тихоновым также «получились разногласия в определении территориальных вод: первый настаивал, что пароход находился вне территориальных вод, а второй — наоборот». Споры продолжались и в дальнейшем, теперь уже с участием консула С. Огата.

10 июля пароход «Унио-Мару» обследовал район конфликта и установил, что «Котохира-Мару» занимался промыслом вне территориальных вод СССР и никаких правил не нарушал. На основании этого японский консул заявил строгий протест камчатским властям, потребовав освобождения судна.

11 июля капитан Ямадзаки сообщил руководству своей компании о том, что «команда парохода находится в благоприятном состоянии». Вскоре часть рыбаков выпустили из-под стражи.

23 июля 1933 г. Петропавловский народный суд вынес приговор по делу о задержании в советских водах японской шхуны «Котохира-Мару». На ее капитана наложили штраф, у него конфисковали пятьдесят плавных рыболовных сетей и гарпунное ружье. Японская сторона не согласилась с таким решением и обжаловала его в вышестоящих советских судебных «инстанциях». Летом следующего года приговор был отменен: 9 июня 1934 г. Хабаровский краевой суд ограничился объявлением капитану Ямадзаки предостережения о

необходимости соблюдения им в будущем правил плавания в территориальных водах СССР.

14 июня 1934 г. конфискованное имущество было возвращено в Петропавловске японскому консулу Сайто. Он выдал местному суду расписку в том, что «консульством на основании решения краевого суда по делу японской шхуны “Котохира-Мару” получены от власти города Петропавловска 50 (пятьдесят) штук плавных сеток, а также и гарпунное ружье со всеми к нему принадлежностями для передачи их владельцу Ямадзаки Кацузиро». На этом данное происшествие было исчерпано.

Пограничные инциденты, связанные с задержанием судов, в 1930-х гг. были нередки. Японцы арестовывали советские суда, заходившие в прибрежные воды принадлежавших Японии Курильских островов, подозревая их в ведении разведки по отношению к расположенным здесь военно-морским базам. Показательной в этом плане является история ареста в 1931 г. траулера «Буревестник». Судно ловило рыбу в районе Озерной. По окончании промысла оно отправилось в Петропавловск для сдачи улова. При подходе к Первому Курильскому проливу траулер был окутан сплошным туманом. Капитан решил пройти через Четвертый Курильский пролив, но здесь судно попало в шторм. Малое количество оставшегося угля вынудило его подойти к острову Парамушир и отдать якорь в надежде переждать непогоду. Подошедший японский эсминец арестовал судно за нарушение границы и отвел его на буксире в порт Немуро. Здесь «Буревестник» находился 29 суток, ожидая своей участи. Затем его отпустили, предварительно снабдив углем и водой.

Аналогичная история приключилась с траулером «Пешков». 20 мая 1934 г. в Токио было достигнуто соглашение о возвращении его в СССР. 31 мая судно отправилось во Владивосток.

Как видно, причиной захода советских пароходов в японские территориальные воды становились навигационные ошибки или тяжелые метеоусловия: они не располагали обычными для современных судов эхолотами, локаторами и прочими средствами, облегчавшими судовождение. Зачастую их капитаны не имели и метеопрогнозов. Спецслужбы обеих сторон делали свои выводы: японские подозревали наших моряков в шпионаже, а советские — нередко обвиняли соотечественников в попытках «угнать суда в Японию».

Вблизи советских берегов нарушения пограничного режима заключались, как правило, также в заходе в территориальные воды. Кроме этого, японские промысловики нередко нарушали правила рыболовства,

установленные рыболовной конвенцией 1928 г. и дополнительными соглашениями к ней.

13 июня 1934 г. пограничный сторожевой корабль «Воровский» обнаружил неподалеку от мыса Лопатки стоявшую на якоре шхуну № 3417. Заметив сторожевик, шхуна выбрала якорь и полным ходом пошла на юго-запад вдоль берега, не выходя из территориальных вод. После троекратного предупреждения гудком с «Воровского» шхуна остановилась и была досмотрена. На ней оказались девять человек экипажа, сто свежельвовленных рыбин и мокрые тресколовые сети. После составления акта пограничники отпустили судно.

В японскую печать попали слухи о том, что «Воровский» обстрелял рыбаков. Их источником стала шхуна «Кайо-Мару», находившаяся неподалеку от места происшествия. 16 июня 1934 г. НКВД поручил своему дипломатическому агентству проверить эту информацию, которая не нашла подтверждения. 18 июня советский дипломатический агент передал японской стороне официальный протест против имевшего место 13 июня нарушения границы. В нем указывалось, что советские пограничники, «исходя из искреннего желания избежать конфликтов и осложнений, для первого случая в этом рыболовном сезоне обошлись весьма либерально с хищнической шхунной, однако дипломатство совсем не уверено, что они будут поступать таким же образом при повторении случаев хищнического лова в наших водах и нарушений территориальных вод СССР...».

В 1934 г., помимо захода в трехмильную зону, наблюдались хищения японскими краболовами сетей, выставленных советскими судами. Всего было зарегистрировано семь таких случаев. Так, в начале августа исчезли 1 880 сеток стоимостью свыше 35 тыс. руб., принадлежавшие «Второму краболову». Подозрение пало на плавзаводы «Ваканура-Мару» и № 33.

«1934 г., августа второго дня, Охотское море, плавзавод “Второй краболов”. Мы, нижеподписавшиеся, старшина кавасаки № 5 Ефимов Л. И., моторист Ольховой, ловцы товарищи Доценко, Песковец и Сердюков составили настоящий акт в следующем: 1) 28 июля 34 г. нами было поставлено... 150 сетей, при съемке 30 июля 34 г. обнаружили, что 110 сетей сняты японским краболовом № 33. 2) 31 июля 34 г. нами поставлено... 100 сетей, при съемке обнаружено, что 60 сетей 2 августа 34 г. сняты японским краболовом № 33. Что и постановили записать в настоящий акт».

Нередки были случаи «пересыпки» сетей, то есть постановки ловушек поверх уже стоявших. Так, «Ваканура-Мару» пересыпал

4 735 сеток краболова «Коряк». При подъеме сети «Коряка» частично порвались, частично остались в море. 7 августа 1934 г. был составлен следующий документ. «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что после постановки и освоения нами нового крабового поля... явились 3 августа в 9 часов вечера два японских разведчика, принадлежащие японскому краболову “Ваканура-Мару”, и пересыпали все выставленные нами сети в количестве 4 735 шт. на глубине 28—30 саженьей. При съемке сеток наши сети рвались, лебедки, вследствие тяжести при такой глубине, ломались, и при всей съемке из-за данного случая потеряно в море 225 сеток, что принесло краболову значительные убытки. Командир краболова “Коряк” Егоров, помкапитана по политчасти Лебедев, завловом Шашин, старшина кавасаки Глазенко, предсудзавкома Лузин».

В свою очередь капитан краболова «Сингу-Мару» Хорагучи обвинял советский краболов «Микоян» в пересыпке его сеток. Он обратился к капитану «Микояна» с таким посланием. «Передайте это письмо всем советским краболовам. Милостивый государь, пользуясь случаем с нашим добрым соседом, имею честь глубоко приветствовать. Сим имею честь обратиться к Вам с маленькой просьбой. Дело как нижеследующее: Ваш краболов как раз выбросил сети среди нашего участка... Однако мне думается, что направление Ваших сетей не такое, как наше, следовательно, полагаю, что сети Ваши находятся над нашими сетями. Покорно прошу Вас, чтобы Вы приняли доброе мероприятие к этому делу. Несмотря на нашу скромную просьбу, если Вы не примите никакого мероприятия или не хотите иметь взаимно добрые отношения, то мы вынуждены для защиты своего интереса снять все пересыпанные сети. Рассчитывая на Вашу доброту, я заранее благодарю, что Вы примите какие-нибудь меры. В ожидании Вашего скорейшего ответа с совершенным почтением остаюсь. Пароход “Сингу-Мару”, управляющий Хорагучи. 8 июня 1934 г.».

Проведенное расследование показало, что Хорагучи ошибся: скорее всего, пересыпку произвел какой-то из японских краболовов. Поэтому японцы прекратили дальнейшую переписку.

12 июня 1934 г. краболов «Сануки-Мару» в районе Ичи за пределами трехмильной полосы поставил свои сетки на ловушки участка завода № 6 АКО. 20 июня советский дипагент предложил японскому вице-консулу принять срочные меры к тому, чтобы краболов покинул участок АКО. Вице-консул ответил, что японский краболов не

нарушил советские территориальные воды, поэтому может оставаться там и продолжать работу. Дипагентство сообщило о происшествии НКВД СССР. Наркомат предложил разъяснить японцам, что в данном случае речь идет не о монопольном праве АКО на часть участка, выходящую за пределы трехмильного пространства, а о недопустимости японцам ставить сети там, где уже имеются сетки других промысловиков, в частности, АКО. Японская сторона согласилась с разъяснениями и указала своему консулу, чтобы он разобрался на месте с действиями «Сануки-Мару» и принял меры для урегулирования конфликта.

Впрочем, в большинстве случаев подобные происшествия конфликтами, как правило, не считались. «Обычно сетки, выставляемые краболовами, сносятся течением воды, теряются, путаются между собою, тонут и в отдельных случаях выбираются из моря вместе с крабами не тем краболовом, который их устанавливал. Подобные случаи потерь вместе с действительными хищениями за последние годы являются обычным явлением в практике работы советских и японских краболовов. Представить действительное положение вещей в этом вопросе невозможно. Поэтому в случаях, приведенных в актах, не носящих формы конфликтов между нашими и японскими краболовами, дипагентство не считало возможным и полезным ставить вопрос перед японским консульством, так как японский консул в ответ на это смог бы привести десятки аналогичных обвинений против наших краболовов».

Одной из причин, заставлявших японцев идти на нарушения, стало истощение сырьевой базы традиционных промысловых районов. В 1934 г. японские плавучие крабозаводы, на которых работало около 3 000 чел., выпустили примерно 180 000 ящ. консервов (в среднем, 25 600 ящ. на судно) стоимостью 7,5 млн иен. Эти показатели резко уступали достигнутым в предыдущие годы. Снижение крабовых запасов было особенно заметно на береговых участках, где для приготовления одного ящика консервов вместо 55 крабов в 1928 г., в 1934 г. требовалось уже от 95 до 120.

Рыболовный сезон 1935 г. прошел без особых нарушений правил рыболовства с японской стороны. Наиболее серьезное происшествие вновь было связано с работой одного из краболовов. В середине мая 1935 г. краболов «Дзингу-Мару» на полях советских частных компаний («Дальрыбпродукт» и «Торговый дом Бр. Люри») в районе Крутогорова пересыпал своими ловушками 3 500 сеток этих фирм. Поднимая их, «Дзингу-Мару» забирал крабов из советских сетей,

резал и топил их. К тому же, его катера ставили ловушки в запретном районе в полутора милях от берега. К 30 мая обе фирмы потеряли около 840 сеток.

Представитель НКВД СССР Ф. Чужеземцев заявил японцам протест и потребовал от консула С. Огата принятия мер. По его словам, консул в течение месяца заверял о том, что он сообщил о происшествии в Москву и Токио, но не имеет никакого ответа. Взамен консул предлагал: «Пусть ваши рыбаки режут японские сети, или пошлите “Воровского” напугать японский краболов».

На предложение отправить на место происшествия надзорную шхуну Минземлеса Японии «Сюнкоцу-Мару», консул ответил, что не может сделать этого, так как шхуна ему не подчинена, и что она может выйти туда только после того, как закончит исследовательские работы на восточном берегу Камчатки. Пока шел обмен дипломатическими посланиями, краболов выбрал улов и ночью 21 мая ушел из района. Шхуна «Сюнкоцу-Мару» пришла сюда только вечером 20 мая, когда промысел уже был завершен. Ее командование обратилось к руководству советского завода № 9 с заявлением, что оно хочет выяснить причины его недовольства. Но первые его вопросы не имели ничего общего с происшествием, а касались численности работавших на предприятии, выяснению мест их вербовки и количества рабочих-корейцев.

Администрация завода отказалась вести переговоры, переадресовав их в Петропавловск японскому консульству и дипагентству НКВД. Японский консул, узнав о таком повороте событий, выразил недовольствие и неоднократно обращался в дипагентство затем, чтобы оно дало указание администрации завода на ведение переговоров с представителями шхуны. «Остается предполагать одно — что консул в данном случае очень хотел, чтобы с нашей санкции администрация завода выехала вместе с представителями “Сюнкоцу-Мару” на крабовые поля, убедилась в том, что японских сеток (которые ночью были сняты “Дзингу-Мару”) там нет, и доказать этим всю неправоту и необоснованность наших заявлений в отношении действий краболова...», — подозревали советские представители.

3 июля пограничники и рыбнадзор зафиксировали, что на участке № 11 в Иче, занимаемом АКО, «Дзингу-Мару» также поставил свои сети, к тому же в трехмильной зоне. Акты, составленные на советских предприятиях, показали, что ущерб, нанесенный им действиями этого краболова, составил 108 904 руб.

КАК УСТЬ-КАМЧАТСК ГОТОВИЛСЯ ОТРАЖАТЬ ДЕСАНТ

Во второй половине 1930-х гг. советско-японские отношения заметно осложнились: на дальневосточных рубежах между сторонами назревал военный конфликт. Особое место во взаимодействии Японии и СССР занимала Камчатка. На полуострове исторически сложилось уникальное положение: в рамках действия рыболовной конвенции сотни километров морского побережья СССР на несколько месяцев в году становились территорией, на которой размещалась производственная база другого государства. Еще в 1934 г. консул Японии в Петропавловске Сайто в интервью, данном корреспонденту японской газеты, заявил: «Рыболовные вопросы очень сложны, и из-за недоразумения по этим вопросам следует ожидать войны между СССР и Японией».

Естественно, что в условиях взаимного недоверия и подозрительности по отношению друг к другу между двумя тоталитарными режимами могли возникать различные недоразумения, усугублявшие и без того сложную обстановку. Во избежание подобных происшествий, весной 1936 г. секретарь областного комитета ВКП(б) В. Орлов обратился к районным партийным комитетам и политотделам рыбокомбинатов АКО с секретным посланием, после ознакомления с содержанием которого адресатам следовало его уничтожить. Документ разъяснял необходимость принятия самых строгих мер по предотвращению конфликтов с японскими рыбопромышленниками и боевыми кораблями, «охранявшими рыбалки», чтобы избежать поводов к осложнению и без этого напряженных отношений с Японией.

«Попытка фашистских групп японского империализма спровоцировать Советский Союз на войну особенно усилилась за последнее время. И эта попытка до сих пор не увенчалась успехом лишь благодаря правильно проводимой мирной политике нашей партии, всеми дальневосточными организациями в своей повседневной практической работе. У нас здесь на Камчатке соприкосновение с японским империализмом осуществляется через рыболовные вопросы. Рыболовные же вопросы на Камчатке сейчас стоят в центре внимания наших взаимоотношений с Японией. И, надо полагать, что и на этом участке фашистские группы японского империализма будут всячески провоцировать нас в наступающем рыболовном сезоне». Тем не менее, ожидая возможных инцидентов, правительство СССР распорядилось пресекать «в рамках корректного и вежливого обращения» все

нарушения обязательств по рыболовной конвенции со стороны японских рыбопромышленников.

Рыболовный сезон предыдущего 1935 г. прошел с меньшим количеством нарушений с японской стороны, чем другие годы. Это в значительной степени было связано с тем, что наступил срок пересмотра японо-советской рыболовной конвенции, заключенной в 1928 г. 26 мая 1935 г. японское правительство официально заявило о своем желании заключить новое соглашение о рыболовстве.

С советской стороны в 1935 г. «имели место случаи нехороших действий» отдельных работников промыслового надзора, в том числе взятки, грубое поведение и предъявление японцам необоснованных требований. Отмечались попытки некоторых директоров комбинатов АКО по собственной инициативе вступать во взаимоотношения с японскими рыбопромышленниками.

Для сведения к минимуму контактов с иностранными гражданами отныне все связи с ними разрешалось поддерживать только официально уполномоченным на это органам: дипломатическому агентству НКВД, НКВД и Дальрыбе. Представителям властей на местах (председателям райисполкомов) в случае обращения чиновников японского консульства, выезжавших на побережья для инспекции, следовало «оказывать необходимое законное содействие как официальным чиновникам страны, находящейся с нами в нормальных взаимоотношениях... Этим узким кругом взаимоотношений формального порядка и ограничиваются все функции отношений с японцами местных советских властей. Никакой инициативы в смысле ведения со своей стороны сношений с японцами местные власти проявлять не должны».

Еще одной стороной взаимодействия советской стороны с японцами была передача имущества рыбопромысловых фирм на охрану в зимнее время, производившаяся по окончании промыслового сезона. Им считалось 28 сентября. Ранее японцы оставляли зимовать на промыслах нескольких своих сторожей, но с начала 1930-х гг. этот порядок был изменен и теперь имущество сохранялось специально нанимаемыми советскими сторожами. Договор об охране японские фирмы заключали с правлениями колхозов, расположенных неподалеку от арендуемых ими участков.

При заходе японских кораблей в территориальные воды СССР местные власти не могли вступать с ними в какие-либо контакты, а о каждом таком случае им следовало немедленно извещать «соответствующие областные организации», то есть НКВД и дипагенство НКВД.

Переговоры о продлении рыболовной конвенции закончились в ноябре 1936 г. подписанием особого соглашения. Но в связи с тем, что Япония и Германия 25 ноября 1936 г. заключили Антикоминтерновский пакт, советское правительство отказалось утвердить его. С 1936 по 1940 гг. действие старой конвенции ежегодно продлевалось временными соглашениями. Японское правительство в течение этого периода неоднократно пыталось добиться утверждения советской стороной решений 1936 г. или начать переговоры о заключении новой конвенции.

Тем временем на Дальнем Востоке продолжали сгущаться тучи. В 1935 г. СССР, опасаясь военного конфликта, был вынужден уступить Китайско-Восточную железную дорогу. Летом 1937 г. началась японо-китайская война. СССР поддержал Китай не только дипломатическими и финансовыми мерами, но и поставками вооружения, а также отправкой военных советников и добровольцев. Это также не способствовало улучшению отношений с японской стороной. Ко всему этому добавлялись многочисленные пограничные инциденты.

19 февраля 1938 г. грузовой пароход «Кузнецкстрой» с экипажем в 25 человек и 37 пассажирами был вынужден зайти за углем в японский порт Хакодате, где его задержала морская полиция. Японские власти обвинили капитана В. С. Калитаева в незаконном заходе в японские воды. Через месяц, 19 марта 1938 г., состоялся суд, приговоривший его к штрафу в 1 500 иен. В конце месяца судно было отпущено и 7 апреля вернулось во Владивосток.

По словам капитана, «Кузнецкстрой» 12 февраля вышел из Петропавловска во Владивосток. Первые пять дней плавание протекало при благоприятной погоде, но вечером 17 февраля в Сангарском проливе пароход застиг сильный шторм. Запасы топлива на судне подошли к концу, оно несколько раз теряло управление. Капитан дважды информировал портовые власти Хакодате о необходимости захода в порт. После прибытия сюда, где его поначалу встретили как обычное судно, на «Кузнецкстрой» поднялись пятнадцать полицейских, проводивших обыск и грубо обращавшихся с командой и пассажирами. Угля японцы не дали.

Кроме «Кузнецкстроя» был задержан один из советских рефрижераторов, потерпевший аварию возле японских берегов. Японские власти арестовали и судили его капитана.

Вечером 3 июня 1938 г. к Петропавловску подошел пароход «Довер-Мару». В это время порядком штормило и стоял плотный туман. Для встречи судна вечером 3 июня и утром следующего дня из

Ковша выходил катер. Так как оно не подавало сигналов, то найти его в тумане не удалось. Портовые власти ожидали, что с улучшением погоды пароход вновь появится, но когда туман рассеялся, на рейде его не оказалось. 16 июня стало известно, что японская печать представила дело так, что портовые власти Петропавловска отказались принять «Довер-Мару». Расследование показало, что это был вымысел.

По установленному порядку, суда входили в порт только с лоцманом на борту. Они должны были накануне сообщать о времени своего захода. Вероятнее всего, произошло обычное недоразумение: «Довер-Мару» выполнял случайный рейс, назначенный вместо регулярного, совершавшегося экспрессом «Синдо-Мару». Вполне возможно, что его капитан не знал этого порядка.

Этот случай, в свою очередь, мог отозваться на судьбе советских судов, проходивших вблизи японских вод. Для предупреждения возможных осложнений, 17 июля 1938 г. капитан парохода «Харьков», стоявшего в Петропавловске, просил сообщить ему о том, какие формальности необходимо выполнить для беспрепятственного захода в Хакодате, куда он предполагал выйти на следующий день. Японский консул в ответ на это заявил, что «Хакодате — открытый порт, и что пароходы могут заходить туда свободно». Советской стороне это было известно, но помятуя о случившемся с «Кузнецкстроем», она запрашивала о том, нет ли каких-либо изменений в существовавшем порядке захода. Он сводился к следующему: капитан должен был примерно за сутки дать телеграмму начальнику таможни с указанием времени прибытия. Советские капитаны обычно давали телеграммы начальнику порта, но в японских портах такой должности не было, а все необходимые формальности выполняла таможня.

В середине июня 1938 г. сторожевой корабль «Воровский» арестовал и отвел в Петропавловск на разбирательство четыре японских шхуны: «Кисаки-Мару», «Томой-Мару», «Тайсей-Мару» и «Конпиро-Мару», ведших хищнический лов. В связи с их задержанием, японский консул в Петропавловске задал советским представителям вопрос: «Что же, это нужно рассматривать как ответную репрессию за рефрижератор?». Ответ гласил, что это «не ответная мера, но мы имеем полное право судить нарушителей. Пароход-рефрижератор, а также “Кузнецкстрой” были арестованы японскими властями незаконно, а мы имеем дело с нарушителями». Консул заметил, что японские власти тоже всегда могут найти формальную причину для ареста. В это же время было зафиксировано нарушение границы СССР эсминцем «Камикадзе».

В свою очередь, 9 и 10 июня советские рыболовные суда, зашедшие на японский участок, порвали там 550 сетей.

В июле — августе 1938 г. у озера Хасан, расположенного в 130 километрах юго-западнее Владивостока у границы с Китаем и Кореей, произошел первый крупный военный конфликт. Он был вызван вторжением японских войск на территорию СССР. 29 июля японцы перешли советскую границу и захватили высоту Безымянную. 31 июля они заняли сопку Заозерную. В ходе ожесточенных боев 6—9 августа обе высоты были отбиты, а 11 августа военные действия закончились серьезным поражением агрессора.

Реальная угроза начала большой войны, особенно с учетом присутствия на полуострове японцев, общая численность которых в 1930 г. составляла 22 234, а в 1934 г. — 17 865 чел., способных, по мнению советских властей, сыграть роль «пятой колонны», требовала разработки мер оборонного и идеологического характера. В связи с этим был составлен мобилизационный план Усть-Камчатского района, подготовлены необходимые материалы и проведены учения по сосредоточению военнообязанных на пунктах сбора и «сгона тяговой силы» в сельсоветах. Их организация возлагалась на военного инспектора райисполкома и военного комиссара.

В плане содержалось обращение к населению, в котором упоминались только что произошедшие хасанские события. «Вопреки мирной политике нашей партии и правительства, японские империалисты, поддерживаемые капиталистами других стран, напали на родину трудящихся, страну Ленина — Сталина. Вооруженные крейсерами, танками, аэропланами, они без соблюдения каких-либо международных правил, без объявления войны вторглись внутрь страны Советов для уничтожения форпоста социализма на Дальнем Востоке, для того, чтобы легче и безнаказанно грабить трудящихся Китая, Маньчжурии и трудящихся советских рубежей... Товарищи рабочие и колхозники! Враг у ворот Дальнего Востока и Камчатки, местами вторгается на советскую землю. Нет места унынию и панике!».

Спустя год мобилизационная готовность Усть-Камчатского района прошла проверку в обстановке, максимально приближенной к боевой.

В мае — сентябре 1939 г. произошли бои в нижнем течении реки Халхин-Гол, протекавшей по территории Монголии и Китая. Здесь советские и монгольские части нанесли крупное поражение вторгнувшимся на территорию Монголии японским войскам. Первое боевое столкновение случилось 29 мая. В начале июля японская ударная

группировка, состоявшая из 38 тысяч человек, была разгромлена советскими и монгольскими подразделениями под общим командованием комкора Г. К. Жукова. Очередные столкновения имели место 8—11 и 24—25 июля 1939 г. 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, и к 31 августа территория Монголии была освобождена от японцев. 4 и 8 сентября они вновь попытались вторгнуться сюда, но потерпели неудачу. В сентябре над Монголией шли упорные воздушные бои. Военные действия здесь закончились 16 сентября 1939 г.

На Камчатке отражением этих драматических событий стало резкое обострение отношений с японцами, пришедшееся на 18—21 августа 1939 г. в Усть-Камчатске. Непосредственным поводом к нему стал ультимаум японской стороны о выдаче ей к полудню 20 августа катера, задержанного советскими пограничниками за браконьерство еще в мае этого года. Действие разворачивалось следующим образом.

Во второй половине дня 18 августа на рейде рыбоконсервного завода АКО № 2 в полутора — двух милях от берега появились два эсминца. От их бортов отвалили два катера, «наполненные вооруженной до зубов морской пехотой в металлических шлемах во главе с морскими офицерами». Один из катеров подошел к стоявшему у завода под выгрузкой угля пароходу АКО «Чавыча» и через переводчика потребовал у вахтенного помощника капитана передать властям или представителям НКВД два пакета. Вахтенный помощник И. Д. Кадет принять их отказался, заявив, что бумаги следует передать властям непосредственно на берег. Капитан «Чавычи» предложил японцам отойти от борта парохода. Посовещавшись с переводчиком, японский офицер приказал отчалить, и катер пошел к ближайшему неводу № 3, у которого стоял морской катер комбината.

Японцы, приблизившись к бригаде советских рыбаков, предложили им принять пакеты. Рыбаки Осипов и Ахрипкин взяли их, а японцы «сделали угрозу: “Смотрите, не утопите пакеты, а то будет плохо! Сейчас же передайте пакеты начальнику НКВД!”». В одном из пакетов находилось требование о выдаче катера, во втором — документ о несогласии с таможенным уставом, в котором японцы указывали, что «советское правительство задевает интересы японского государства». Рыбаки отдали бумаги на катер, а позже моторист Калягин вручил их лейтенанту-пограничнику Маркину.

После этого японцы предложили всем стоявшим поблизости судам уйти к крайнему неводу, освободив тем самым рейд. Затем их катера подошли к своим рыбакам.

В половине восьмого вечера 19 августа секретарь Усть-Камчатского райкома ВКП(б) Кузьмин созвал «суженое» совещание, постановившее «раскрепить» партийный актив за заводами № 1 и 2 для «оказания помощи парторганизациям». Директор рыбокомбината Алексеев и начальник политотдела Санько к девяти часам вечера собрали в помещении конторы весь партийно-комсомольский состав предприятия. Всего здесь оказалось около 95 человек. Не явились двое членов ВКП(б), которых нигде не могли найти. Собравшимся роздали противогазы, организовали из них патрули, отдельных коммунистов послали на территорию «для проведения светомаскировки и разъяснения населению порядка». При ответственном дежурном по комбинату для связи и выполнения различных поручений находилось еще десять комсомольцев.

Пятерых коммунистов решили отправить в ближайшие колхозы «для развертывания агитационной работы по выборам (подразумеваются выборы в местные Советы — С. Г.), а также международному положению». По комбинату также были разосланы агитаторы «для разъяснительной работы и рассасывания скопившихся групп населения».

Особую группу комсомольцев выделили для наблюдения за территорией соседних японских заводов. Утром она обнаружила, что на одном из них все ранее забытые окна вскрыты, а группа рабочих копала траншею. Как японцы объяснили позже, это была «канавка для отходов». Вероятно, земляные работы были расценены как рытье окопов, что окончательно убедило советскую сторону в военных приготовлениях японцев.

Из женщин рыбокомбината сформировали санитарный отряд численностью 37 человек во главе с военврачом Возной и членом ВКП(б) Афонасьевым. Пункты медпомощи развернули в заводской амбулатории, библиотеке, больнице и «за протокой в квартире кандидата ВКП(б) Неворотовой». В медикаментах ощущался острый недостаток: особенно мало было бинтов, марли и йода.

Вскоре к помещению комбинатской конторы стали подходить беспартийные рабочие и служащие, выразившие недовольство тем, что собирают только коммунистов и комсомольцев, и заявлявшие, что они «также желают принять участие в оборонных мероприятиях и просят снабдить их оружием и противогазами». Ночью заведующий химической лабораторией просил допустить его на территорию завода затем, чтобы достать имевшиеся там у него взрывчатые вещества. «Рвач и дезорганизатор С..., работающий токарем, в течение пятидневки отказывавшийся отремонтировать катер из-за несходности в цене, отремонтировал необходимую деталь в три — четыре часа».

Морально-политическое настроение руководителей было, в основном, хорошее, некоторые из них отличились в подготовке плавсредств, предназначенных для переброски к Усть-Камчатску советских войсковых частей. Особенно хорошо здесь поработали Волошин, Пташковский и Алексеев. Правда, начальник водного транспорта АКОторга Г..., как следует из донесения, «четыре часа саботировал в предоставлении плавсредств, старался узнать, для чего нам нужны плавединыцы. С работы Г... сняли, о партийности ставим вопрос 5 августа на бюро».

К 8 часам вечера 18 августа была подготовлена светомаскировка, и с наступлением ночи комбинат погрузился в темноту. На главной котельной на всякий случай спустили пары. Около 9 часов вечера оба японских корабля осветили территорию комбината прожекторами, сосредоточив основное внимание на здании радиостанции и на прибрежной полосе. Всю ночь они продолжали освещать комбинат, одновременно ведя переговоры по световому телеграфу со своим заводом. Между кораблями все время курсировали моторные шлюпки. Пушки эсминцев были наведены на РКЗ № 2 и Усть-Камчатск. Корабли следили и за воздухом: когда днем 19 августа неподалеку пролетал советский гражданский самолет, на него сразу же были нацелены стволы их зенитных орудий.

Ночью 19 августа японцы зачем-то сбросили в воду несколько ящиков яблок, которые прибило к берегу возле РКЗ № 2. «К утру весь берег был усеян прекрасными на вид яровыми яблоками, сброшенными в количестве пяти — шести ящиков с кораблей. Ни одно яблоко не было тронутو трудящимися и детьми». Несколько плодов начальника усть-камчатского гарнизона Лючников взял для проведения анализа, остальные приказал закопать в землю. «Двое комсомольцев собрали их и зарыли».

В ночь на 19 августа к берегу начали прибывать советские воинские части, оснащенные техникой и артиллерией. Среди них находился артиллерийский дивизион, вооруженный 152-миллиметровыми орудиями. Ранее он принимал участие в Хасанских событиях. Территория комбината постепенно заполнялась военными служащими. Настроение населения, увидевшего военных, поднялось. Все указания командования выполнялись им беспрекословно. Люди помогали разгружать вооружение, рыли окопы, оборудовали стрелковые гнезда. «Для маневрирования войсковых частей» потребовалось срочно построить мост. Его соорудили силами партийцев и комсомольцев, трудившихся без отдыха в течение двадцати часов. «К всеобщему удивлению, особо четко работал телефон с районом». В кабинете директора комбината шли

непрерывные совещания. Отсюда поддерживалась связь с военным и политическим командованием подходивших частей.

Попутно с размещением войск, были намечены возможные пункты эвакуации населения. Для этого приготовили кунгасы, расставили трапы, назначили кунгасников и провожающих. За протокой построили сходни и пристани. Политотдел комбината подготовил к эвакуации партийные и комсомольские дела, прочие документы. Типография также была готова к отъезду. Но эвакуацию не начинали.

Напряжение достигло пика к полудню 20 августа. «Весь состав партийной организации и комсомола и основной костяк коллектива был в полной мобилизационной готовности и мог, в случае необходимости, дать 400—500 бойцов». Обстановка несколько разрядилась после обеда, когда комендант погранохраны Величко передал японцам арестованный катер и от имени СССР предложил их кораблям покинуть советские воды.

Возврат катера многими расценивалась как уступка японцам. Вечером 20 августа в помещении райкома ВКП(б) даже прошло особое совещание с партийным активом с разъяснением о необходимости «проведения агитации среди населения, связанной с передачей катера». Как отмечал секретарь райкома, «по этому вопросу были разные толкования: кто говорил: “Не нужно было отдавать катер, а нужно уничтожить”. По этим вопросам необходимо было вести разъяснительную работу».

Несмотря на то что японцы получили катер, их корабли оставались на месте до утра 21 августа. Затем они снялись с якорей и подошли к РКЗ № 2 на расстояние около километра, развернулись и двинулись вдоль берега в направлении РКЗ № 1. После этого эсминцы повернули в море.

Население реагировало на происходившее по-разному. «У 13-го барака группа домашних хозяек выставила на улицу патефон и организовала пляску. В землянке Сальниковой группа домашних хозяек в одиннадцать человек организовала попойку бражки. На столе стояла бочка с брагой. На вопрос: “Что является причиной такого веселья?”, они отвечали: “Лучше на тот свет отправляться веселыми”. К вечеру 19 числа начали появляться у отдельных лиц признаки беспокойства и паники. Машинистка Голованова спрятала в подполье чемоданы. Домашняя хозяйка Федорова надела на себя пятнадцать юбок и сбегала за протоку. Голованова ночевала в кустах. Комсомолка Федорова с грудным ребенком также намеревалась переехать за протоку, но была разубедена. Комсомолка Богатырева забрала в сберкассе весь вклад и уехала за протоку. Плотник Корольков вырыл яму за ночь и залез в

нее вместе с детьми. Это единицы. Основная масса населения была настрожена, но готова к организованным действиям и предлагала свои услуги командованию. Одна из домохозяек заявила: “Я теперь вижу, для чего нам нужны займы, прошу меня подписать еще на сто рублей!”».

Подавляющее большинство местных жителей и рабочих все время конфликта оставалось на заводах и в поселке. «Был один случай, когда женщина с двумя ребятами ушла 19 августа в село Николаевку, а 20 уже вернулась обратно». Правда, среди части работников возникли опасения за свои жизни. «На втором заводе были такие разговоры: “Здесь, наверное, сидят враги народа и поэтому не увозят отсюда население”. Откуда идет этот разговор, точно установить не удалось», — сообщали «органы».

Оба завода АКО работали без перерывов, но на ночь рыбаков в целях безопасности снимали с неводов. 19 августа колхозники поймали в реке около 16 тысяч рыбин, но из-за отсутствия катеров, переданных военным, доставить их на заводы не удалось, почему улов весь испортился.

Все эти тревожные дни руководители района находились на комбинате. «Морально-политическое состояние было высокое и приподнятое». Секретарь Усть-Камчатского райкома ВКП(б) Кузьмин в докладе секретарю обкома партии Николину об обстоятельствах недавно завершившихся событий, датированном 23 августа 1939 г., сообщил: «В заключение могу передать: было единое мнение, как у войсковых частей, так и у рабочих, колхозников, советской интеллигенции — уничтожить зарвавшихся японских самураев. К этому мы готовы в любое время».

«Итогом событий явилось общезаводское собрание женщин-домохозяек и работниц. В переполненном клубе был сделан доклад о междунарном положении и о японской провокации. Выступавшие работницы высмеяли паникеров и заявили, что они чувствуют заботу партии и правительства и лично товарища Сталина, и готовы вместе со своими мужьями защищать священную советскую землю».

В последнем сомневаться не приходилось.

Старожил Усть-Камчатска В. И. Гранин так вспоминал об описанных выше событиях. «В 1939 году захватили японскую шхуну, двух или трех японцев водили на допрос. Пришли два крейсера: “Если не отдадите, расстреляем Усть-Камчатск!”. Связались с Москвой. Отпустили. Потом наши артиллеристы сделали пробный выстрел по мишени — кунгасу — и попали точно в цель». 152-миллиметровый снаряд в щепки разнес мишень, стоявшую как раз на том месте, где немногим ранее находился японский эсминец.

Усть-Камчатск был не единственным местом на камчатском побережье, где летом 1939 г. сложилась напряженная обстановка. Вот свидетельство старейшего работника рыбной промышленности Камчатки Г. Ф. Буйвола, работавшего в то время механиком промыслового флота Жупановского рыбокомбината. «В самый разгар путины у нас закончилось топливо. Директор комбината направил меня в командировку в Петропавловск на нефтебазу. В мое распоряжение выделили кавасаки с командой, состоявшей из старшины, моториста и матроса. Для выхода из советских территориальных вод требовалось разрешение начальника пограничной заставы. Ему также следовало докладывать и о возвращении.

Пост пограничной заставы располагался недалеко от второй базы. Получив разрешение, мы вышли в море. В Петропавловске погрузили топливо и отправились на вторую базу, чтобы доложить о возвращении. Когда мы подходили к месту, то увидели, что там стоят четыре больших японских военных корабля, а в бухте возле реки Жупаново находится наш сторожевик “Дзержинский”.

Был воскресный день. Днем раньше японская рыболовная шхуна нарушила границу и зашла в наши территориальные воды. С пограничного поста ее заметили, из реки на перехват вышли два пограничных катера. Они арестовали шхуну за незаконный лов рыбы и привели ее в речку Жупаново. На правом берегу реки в то время располагался рыболовецкий колхоз. К колхозным рыбакам подошел японский военный корабль, и на русском языке с него спросили: “Не видели ли вы нашу шхуну?” Рыбаки, не подумав о последствиях, ответили, что она стоит в реке. Спустя некоторое время прибыли еще три японских корабля, перекрывшие нашим судам, в том числе и “Дзержинскому”, выход из бухты.

Японцы выдвинули ультиматум: “Если в воскресенье к двенадцати часам дня шхуна не будет выдана, откроем огонь!”.

В субботу, после того как они предъявили свои требования, женщин с детьми отправили в поселок колхоза, мужчины же, вооружившиеся чем попало, ночью охраняли берега бухты от возможной высадки японского десанта.

Когда мы заходили в бухту, то проходили мимо японских кораблей... Через некоторое время к нам пришел сам начальник заставы, который позволил нам идти по назначению... Когда мы проходили мимо японцев, то были спокойны, думали, что погони за нами уже не будет. И вдруг... увидели появившийся на горизонте японский

корабль... Японцы решили взять нас на абордаж. На полном ходу к нам запрыгнули два матроса и офицер... В это время к борту подошел бот и с него высадились еще пять человек... Нас пришвартовали стальными тросами к головному кораблю, на котором находился их самый высокий чин, кажется, адмирал, точно утверждать не могу...

Вечером японцы стали вести переговоры флагами с “Дзержинским”. Утром в понедельник они спустили катер, в который сели два офицера. Он отправился к нашему кораблю. Один офицер пытался подняться на него, но ему этого не разрешили. Тогда он передал нашим морякам какие-то бумаги и вернулся восвояси.

Полагаю, что вопрос о нашем освобождении и выдаче шхуны в обмен на нас решился в понедельник во второй половине дня. Японцы снова начали вести переговоры с командованием “Дзержинского”. Они предложили нам приготовиться к отходу. Вскоре к нам подошел японский катер, но вдруг все приготовления приостановились. Оказывается, во время выхода японской шхуны из реки, она села на мель. В это время был отлив. Пришлось ждать, когда наш катер, вышедший из речки, стянет ее с мели. Теперь нам позволили следовать в сопровождении японского катера навстречу шхуне, ведомой нашим катером. Когда мы встретились, то японский катер стал провожать свою шхуну, а наш — нас, доведя кавасаки до “Дзержинского”».

Вскоре после этого японские корабли подняли якоря и ушли. До военных столкновений на Камчатке в 1939 г. дело не дошло.

АКТИВНОЕ РЫБОЛОВСТВО ЯПОНИИ В КАМЧАТСКИХ ВОДАХ

Со второй половины 1920-х гг. советские органы, руководившие рыбной промышленностью на Дальнем Востоке, начали планомерное вытеснение японских конкурентов из конвенционных районов. Наступление на японцев принимало различные формы. Оно проводилось в виде ограничения количества выставляемых на торги рыболовных участков, предоставления наиболее ценных промыслов советским организациям различных форм собственности, увеличения государственного участия в отечественной рыбной промышленности.

В конце 1920-х гг. Япония перестала ограничиваться ловлей рыбы и краба в рамках действовавшей между ней и СССР рыболовной конвенции, оговаривавшей условия совместного берегового рыболовства.

С этого времени она начала активно расширять так называемый «активно-глубьевой лов», ведшийся в открытом море. Он рассматривался японцами как возможность существенного увеличения количества добываемой продукции без дополнительных обязанностей перед СССР.

Одним из способов противостояния советскому нажиму японская сторона избрала «глубинный» морской лов, ведшийся на расстоянии нескольких миль от берега вне трехмильной зоны территориальных вод СССР. Отныне она рассматривала активное рыболовство как средство давления на СССР. Его развитие могло позволить добиться лучших, чем оговоренные конвенцией, условий для японских береговых промыслов, вплоть до ограничения развития советской промышленности.

Впервые методику промысла в открытом море японцы опробовали в 1927 г. в районе Усть-Камчатска. Вначале для этой цели они применили крупные ставные неводы, стоявшие за пределами территориальных вод СССР. Высокая стоимость таких сооружений, достигавшая 500 000 иен, сильно отражалась на цене рыбопродукции и постепенно заставила отказаться от их широкого использования. С начала 1930-х гг. активный лов велся в уже двух направлениях: как ставными неводами, так и рыболовецкими флотилиями, состоявшими из траулеров, более мелких промысловых судов (сейнеров, кавасаки, кунгасов) и разведчиков. Эти суда сдавали улов на крупные плавзаводы. В состав флотилий входили также пароходы-снабженцы и рефрижераторы, вывозившие замороженную рыбу в Японию.

Японский журнал «Течи Гио-Гио Кай» в ноябре 1930 г. писал: «С каждым годом наступление советских госрыбоорганизаций увеличивается, и в результате давления советских властей налицо имеется угроза прекращения нашей рыбопромышленности в русских водах... Если окажется, что лососевых можно ловить не с береговых участков, а в открытом море, то можно будет производить промысел лососевых, не имея никакого отношения к СССР. Если бы пойманную рыбу можно было бы обрабатывать на плавучих заводах, как это делается на краболовах, то вопрос бы был разрешен. Если дело будет обстоять так, то вопрос рыбопромышленности в русских территориальных водах решится не дипломатическим путем, а чисто технически».

В 1930 г. свой глубинный невод вдоль берегов Камчатского залива на подходе к устью реки Камчатки выставила фирма Яги. В результате этого подходы лосося в реку были практически полностью перегороджены сплошной стеной сетей. По словам японского источника, «постепенно практически осуществляется лов в открытом море,

и в этом году в водах восточной Камчатки работала фирма Яги при помощи ставных неводов».

Осенью 1930 г. Б. И. Гольдберг, директор-распорядитель АКО — самого крупного советского пользователя охотско-камчатских вод — в докладе краевому комитету ВКП(б) подводил итоги деятельности рыбной промышленности общества. Выполнение плана по добыче рыбы составило 76,4 %, по крабам — 30,8 %. Причинами невыполнения рыбной программы назывались слабый ход лосося и «срыв работы Усть-Камчатского завода фирмой Яги путем постановки стального невода», почти полностью перекрывшего рыбе проход к берегу.

«Этот вопрос даже чисто политический. Мы ставили этот вопрос в правительстве, была по этому вопросу создана специальная Тройка, и эту фирму сняли с промыслов, но тогда, когда ход рыбы уже прошел. Фирма эта потерпела большие убытки. И понятно, если бы это не финансировалось японским правительством, то ни одна фирма не выдержала бы этого, она перенесла этот невод на западный берег».

Невозможность решить возникшую проблему дипломатическим путем вынудило советскую сторону действовать так. 15 июля 1930 г. пограничный сторожевой корабль «Воровский» с промысловым надзором на борту, возглавляемым старшим инспектором рыболовства К. Русских, подошел к «месту установки хищнического забора фирмы Яги... В два часа ночи “Воровский” вошел в неводные заграждения, причем уничтожил один невод, и во избежание его намотки на винты вышел задним ходом из сетей. Всего “Воровский” прорвал тройную линию невода, оттяжку, ловушки и крыло, причем крыло было на стальном полоторадиймовом тросе, так что трос пришлось рубить на лапе якоря». После этого корабль ушел к РКЗ № 1 АКО.

Во время этой операции японских эсминцев вблизи не было, но здесь находились четыре японских парохода, «из которых один, после того как мы начали выходить из невода, начал давать гудки и в это же время по-русски начал нас запрашивать по радио: “Кто находится в северных сетях, что делаете?”. Ответа мы никакого не давали, и выйдя из неводов, изменив курс, скрылись в налегшем опять тумане”».

Стоимость уничтоженного «Воровским» невода оценивалась в 50 000 руб., а всего ставного забора из шести ловушек — в 500 000 руб.

В районе установки невода все время находилась исследовательская шхуна Минземлеса Японии «Сюнкоцу-Мару» с инспектором рыболовства Мияке на борту, вскоре с западного побережья сюда прибыла шхуна «Кинши-Мару» с инспектором Като.

К «Воровскому» с «Сюнкоцу-Мару» подошел катер с письмом от Мияке на имя инспектора Русских. На корабле принять его отказались, сообщив, что инспектор находится на берегу. После этого катер отправился на японский участок, где передал письмо арендатору. Вскоре его вручили адресату через погранохрану. Вот его содержание.

«Усть-Камчатск, 15 июля 1930 г. Рыбинспектору Русскому. У меня есть дела, о которых с Вами нужно переговориться срочно. Если Вы будете на судне, то прошу ответить мне, когда я могу к Вам заехать, и тогда прошу постараться, чтобы наш пароход “Сюнкоцу-Мару” мог быть стоять близко к Вашему судну...».

Утром на место происшествия пришел японский эсминец, около которого собрались все пароходы и обе шхуны. Было похоже на то, что они обследовали повреждения. В 12 часов дня эсминец полным ходом направился к «Воровскому», зашел в трехмильную зону территориальных вод СССР и, находясь примерно в полукилометре от сторожевого корабля, выпустил дымовую завесу. Затем он развернулся и сыграл боевую тревогу, направив пушки и пулеметы на «Воровский». Этот маневр корабль проделал дважды, поворачиваясь к сторожевику то одним, то другим бортом. После этого он вышел из территориальных вод и встал на якорь.

Катер АКО «Коряк» доставил на «Сюнкоцу-Мару» ответ советского рыбинспектора, гласивший: «Господин Мияке. По всем интересующим Вас вопросам благоволите обратиться в полпредство СССР в Токио или в крайисполком в Хабаровске. С совершенным к Вам уважением К. Русских». Получив ответ, шхуна покинула трехмильную зону, встала на якорь и более к «Воровскому» и берегу не подходила.

По полученным советской стороной сведениям, в результате разрушения невода японцы понесли большие убытки. Они смогли сделать всего 12 000 ящ. консервов, а восемь пришедших за рыбой рефрижераторов ушли обратно пустыми. Вот как фирма Яги оценивала потери от этого происшествия. «...Имелось предположение о возможности улова в 10 000 коку (1 коку равен 1,5 ц — С. Г.). Дело же закончилось тем, что поймали 6 500 коку. Но, конечно, это произошло от того, что русское охранное судно перерезало невода, и работу пришлось прекратить перед самым началом главного сезона лова».

Тем не менее, опытная постановка невода в открытом море признавалась удачной и перспективной. «На этом основании по качеству рыболовный участок фирмы Яги можно сравнить с хорошим участком фирмы Ничиро... Если принять во внимание, что таковой лов

начали производить в нынешнем году впервые... , то легко предвидеть, что лов в открытом море при помощи тате-ами создает новую эпоху в рыбопромышленности северных морей». В конструкцию же невода, по мнению инженера испытательной станции, участвовавшего в эксперименте, следовало внести усовершенствования. «Так как рыба в открытом море идет более редко, то поэтому необходимо при установке тате-ами в открытом море крылья (каки-ами) делать гораздо более длинными. В открытом море против реки Камчатка на восточном берегу необходимо делать крылья приблизительно в пять миль, чтобы рыба не шла к берегу. В противном случае... трудно достигнуть тех результатов лова, как на береговых участках».

В 1930 г. японцы приступили к активному лову и другим методом: применяя так называемые «плавные» сети, выставляемые с судов. Стоимость одной такой снасти длиной 50 м составляла всего 35 иен, они позволяли при необходимости быстро сменить место постановки, чего со ставным неводом сделать было практически невозможно. Этот способ глубинного лова постепенно вытеснил глубоководные ставные неводы, которые уже к середине 1930-х гг. почти вышли из употребления.

По данным японской печати, в 1934 г. предполагалось отправить к берегу Камчатки более 35 крупных судов. В этом году промысел вели флотилии, в состав которых входили плавзаводы водоизмещением до 6 000 т, рефрижераторы, траулеры, разведчики водоизмещением до 80 т и 10—15 катеров и кавасаки. Готовую продукцию составляли различные сорта посола и высококачественные консервы.

По словам переводчика Като, работавшего на японском заводе № 34, размещавшемся в районе Усть-Большерецка, на западной Камчатке в этом сезоне находились 16 плавбаз и 400 мелких плавединиц, принадлежавших фирмам «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша», «Хиромусиро Суйсан Кайша», «Киморо Санчисо», «Тайхэие Иохогии» и «Окомури Годы». Като выражал уверенность в том, что ввиду большой рентабельности лова в открытом море, в недалеком будущем японцы совершенно откажутся от лова с берега. Японские фирмы организовали промысел на основе многолетних научных исследований, ведшихся специализированными судами Минземлеса «Кокуйю-Мару», «Кинси-Мару» и «Сюнкоцу-Мару». Подход их флотилий к берегам полуострова всегда точно приурочивался к началу рунного хода лосося.

Преимущества глубинного лова, по мнению советской стороны, могли быть охарактеризованы следующими данными: два японских плавзавода, стоявшие в районе Усть-Большерецка, программу в

70 000 ящ. консервов из нерки полностью выполнили к началу августа. На каждом из них было занято не более 50 рыбообработчиков, в то время «как на наших береговых заводах АКО занято до 120 человек, не принимая в расчет ловцов, причем береговые заводы таких больших программ совершенно не знают».

Ниже приведены основные районы и объекты лова, данные о количестве японских судов в сезон 1934 г. Данные, полученные авиаразведкой и наблюдением с берега, нельзя считать абсолютно точными, так как суда меняли свое положение и могли быть отмечены дважды.

В Камчатском заливе с 13 мая по 31 июля 90 судов (10 плавбаз, два траулера, 78 мелких) ловили треску и лосося.

В Кроноцком заливе с 27 мая по 15 августа 107 судов (13 плавбаз, три траулера, 91 мелкое) добывали крабов, лосося и треску.

В Авачинском заливе с 30 мая по 25 июля 99 судов (6 плавбаз, четыре траулера, 89 мелких) промышленяли лосося, треску и крабов.

На участке от бухты Жировой до мыса Лопатка с 22 июня по 10 августа 67 судов (восемь плавбаз, три траулера и 56 мелких) ловили лосося и треску.

На протяжении от мыса Лопатка до Усть-Большерецка с 5 июля по 1 сентября находились 99 судов (четыре плавбазы и 95 мелких), добывавших исключительно лосося.

На участке от Ичи до мыса Ухтолокского с 3 мая по 30 августа 65 судов (краболовы «Ваканура-Мару», «Хокусо-Мару», «Сингу-Мару», «Сонеки-Мару», № 33, а также 60 мелких) промышленяли крабов.

Общая численность японского рыболовецкого флота в камчатских водах в 1934 г. в сравнении с 1933 г. выросла втрое (с 175 до 527 судов). При этом на промысел вышел 41 плавзавод вместо 17 в 1933 г., 12 траулеров вместо восьми, пять краболовов вместо трех и 469 мелких ловецких единиц против 147. Этот флот обслуживали около 5 тысяч человек. Первые плавзаводы в 1934 г. вошли в воды Камчатского залива 13 мая. Они оставались возле полуострова до 1 сентября, постепенно переходя на западный берег, где рунный ход лосося начинался позднее.

В Кроноцком заливе флотилии появились 27 мая, а в конце июля они также начали перемещаться на западный берег, работая в Авачинском заливе, в бухте Жировой и в районе от мыса Лопатка до Усть-Большерецка, откуда последние из них ушли домой также 1 сентября.

Всего эти плавзаводы, по японским данным, поймали в 1934 г. 8 560 000 лососей против 5 620 000 в 1933 г. Их продукция 1934 г., составившая 365 000 ящ. консервов, соленой и мороженой рыбы,

отправленной на консервные заводы Курильских островов и Хоккайдо, стоила 12 млн иен.

Результатом их деятельности стали «исключительно плохие последствия для берегового рыболовства в Усть-Камчатском районе». Бурное развитие японского активного промысла привело к заметному подрыву рыбных запасов, особенно в районе реки Камчатки. Эти хорошо иллюстрируются следующими цифрами, показывающими количество пойманной в реке нерки: в 1930 г. — 815 000, в 1931 г. — 516 000, в 1932 г. — 536 000, в 1933 г. — уже 253 000, а в 1934 г. — всего 82 000 шт. Катастрофически низкий улов нерки в 1934 г. не смог обеспечить даже потребности местного населения, вынужденного заготавливать ее в других районах.

Уловы отечественных береговых морских промыслов в Усть-Камчатском районе падали год от года. Если в 1931 г. советские предприятия добывали 27,9 % всей рыбы, то в 1933 г. их доля составила лишь 15,5 %. Остальной улов пришлось на японские сети. Примерно 60 % рыбы, пойманной в сезон 1934 г. ставными неводами на береговых участках района и в реке Камчатке, имели на себе следы японских сетей. Рыба среднего размера в уловах почти отсутствовала: ловилась лишь крупная и мелкая. Мелкая прорывалась сквозь сети, крупная — не могла объехать, так как размер ячеи японских неводов был рассчитан на ее средний размер.

В 1934 г. советские и японские производственные мощности Усть-Камчатского района были примерно равны: обе стороны имели по три рыбоконсервных завода с 12 и 13 линиями соответственно. Усть-Камчатский рыбокомбинат АКО включал четыре засольных базы, фирма Ничиро — три. Отечественные предприятия снабжались рыбой с 13, японские — с 15 участков.

Ориентировочные подсчеты потребности в сырье для полной загрузки ки названных мощностей показывали, что при проектной мощности консервных линии в 15 тыс. ящ. за сезон для них требовалось около 5 000 тыс. шт. лососей. Засольные базы могли обработать еще 3 500 тыс. шт. Несмотря на то что проектная мощность заводов АКО была рассчитана на ежегодный выпуск 195 000 ящ. консервов, фактически они произвели: в 1932 г. — 70 564, в 1933 г. — 51 451, в 1934 г. — 41 307. Количество приготовленных в 1934 г. консервов показывает, что оно составляло всего 21,2 % технической возможности предприятий.

Приведенные данные показывали необходимость принятия самых срочных мер к противодействию японскому хищническому лову в

открытом море. Такими мерами могли стать заключение договоренностей между сторонами, а также начало советского активного морского рыболовства, которое тоже можно было бы использовать как средство давления на японцев. Они это прекрасно понимали. Вот что в 1934 г. заявлял японский консул в Петропавловске К. Сайто. «Рыболовство в открытых морях является важным вопросом в отношениях между государствами... Получены сведения о том, что СССР в нынешнем году намерен заняться ловом в открытом море. Это обстоятельство создает очень сложное положение. Поскольку вопрос о том, не является ли лов в открытом море нарушением нами рыболовной конвенции, нами обсуждался, мы считаем, что его нельзя связывать с конвенцией, так как она действует только на советских побережьях. Прежде СССР просил Японию прекратить лов в открытых морях, однако нам совершенно ясно, что этот лов не нарушает конвенции, и поэтому мы не считались с протестами СССР».

Протесты советской стороны, в первую очередь, были вызваны резкой, год от года снижавшейся производительностью ее береговых участков, вызванной практически неконтролируемым выловом рыбы на подходе к побережью Камчатки. Хищнический промысел наносил наибольший ущерб отечественной промышленности, основанной в тот период исключительно на береговом рыболовстве.

«Заставить японцев отказаться от лова в открытом море только словами мы не сможем, нужны меры другого свойства — это как можно скорее организовать свой соответствующий флот для лова в открытом море. Этим самым мы поставим японцев перед фактом двухсторонней заинтересованности в ограничении, регламентации или отказе от такого способа лова. Целесообразность подобного мероприятия уже доказана на примере работы наших краболовов. Разговоры о необходимости организации лова в открытом море ведутся давно, но несмотря на то что мы уже вступаем в период переговоров с японцами о пересмотре действующей рыболовной конвенции, мы не создали до сего времени такого флота, тем самым поставив себя в вопросе о лове в открытом море в полную зависимость от японцев».

«Если мы не сможем в оставшийся до 1935 г. короткий срок создать свой флот по лову в открытом море, мы должны будем так или иначе подчеркнуть японцам результаты их восьмилетнего рыболовства в открытом море в Усть-Камчатском районе и... издать административные распоряжения, которыми в целях разведения и охраны рыбы в Усть-Камчатском районе запретить лов рыбы в течение пяти лет,

проделав это путем резкого ограничения нормы вылова по всем участкам...».

АКО планировало начать активный морской лов в 1935 г., но сделать этого ему не удалось. В 1934 г. общество имело 186 береговых участков, причем 54 из них не эксплуатировались из-за нехватки рабочих рук и недостатка снабжения. Из поставленных на остальных 132 ставных неводах около четверти большую часть сезона не перебирались, то есть тоже не работали. В прошлом 1933 г. бездействовали 34 участка. Не работавшие промыслы примыкали к японским участкам. Это обстоятельство вызывало у советских представителей опасение, что оно может «быть с успехом использовано японцами против нас при переговорах о пересмотре рыболовной конвенции», которые вскоре должны были начаться между сторонами.

Неблагополучно обстояли дела и с крабовым промыслом. Японские краболовы, на которых работало около 3 000 чел., в 1934 г. выпустили 180 000 ящ. консервов (в среднем, по 25 600 ящ. на судно) стоимостью 7,5 млн иен. Эти показатели резко уступали достигнутому в предыдущие годы. Истощение запасов крабов было особенно заметно на береговых участках, где для приготовления одного ящика консервов в 1928 г. их требовалось 55 шт., а в 1934 г. — от 95 до 120 шт.

Так как японские суда ловили в непосредственной близости к трехмильной зоне, то советская сторона неоднократно фиксировала нарушения ими территориальных вод СССР. В 1934 г. всего было зарегистрировано 29 таких случаев, 13 из которых пограничники учли составлением односторонних актов, 14 отметили суда Совторгфлота и АКО и два зафиксировала авиаразведка. Наибольшее количество нарушений пришлось на окрестности Петропавловска — 21 и Усть-Большерецка — 6. Основной причиной захода в советские воды японцы называли нехватку на судах пресной воды.

С начала мая и до сентября 1934 г. побережье Камчатки патрулировали отряды, состоявшие из двух японских эсминцев, поспенно приходившие из порта Оминато. Вначале они курсировали от Усть-Камчатска до Тигиля, затем, с переходом японских плавзаводов с восточного на западное побережье, переместились в район от Усть-Большерецка до острова Птичьего.

Основное количество японских плавзаводов принадлежало фирме Ничиро. Она же владела в районе Усть-Камчатска тремя рыбоконсервными заводами. Регулярное невыполнение этими предприятиями планов производства продукции с лихвой перекрывалось работой

плавзаводов. Но в 1934 г. подрыв рыбных запасов Усть-Камчатского района, дававшего в середине 1920-х гг. 42 % нерки, 5,5 % кеты, до 70 % кижуча и до 90 % камчатских уловов чавычи, вызывал опасение в японских рыбопромышленных кругах. Это вынудило их начать освоение новых районов промысла в Кроноцком заливе на восточном берегу, возле реки Озерной и Усть-Большерецка на западном побережье полуострова.

В 1935 г. японцы в Камчатском заливе активным ловом не занимались. В этом сезоне они сосредоточили свои плавзаводы и до 200 мелких судов южнее у мыса Кроноцкого. Это вновь отразилось на советском улове нерки в реке Камчатке, достигнувшем к 1 августа всего 300 000 шт.

По неполным данным, в 1935 г. у берегов Камчатки находились до десяти плавзаводов, 15—20 больших шхун, 8—10 траулеров и до 500 мелких суденышек. Существенного изменения их общей численности по сравнению с предыдущим сезоном не произошло.

Как и в прошлые годы, в районах лова на протяжении всего сезона находились эсминцы. Они служили своеобразными ориентирами для мелких промысловых судов, становясь точно на границе трехмильной зоны территориальных вод. По сообщению дипагента НКВД в Петропавловске, «при отсутствии наших судов мелкие плавединицы свободно проходили в трехмильную зону и занимались хищничеством. При появлении на горизонте нашего охранного судна “Воровский” или другого какого судна, миноносцы сигнализировали об этом хищникам, и последние быстро отходили на линию миноносца, зная, что он стоит на грани трех миль».

Рыболовный сезон 1935 г. прошел без особых нарушений. Они сводились к заходу в территориальные воды отдельных мелких суденышек. Как правило, пограничная охрана оформляла их односторонними актами. Всего было отмечено около пятидесяти таких случаев.

К началу 1940-х гг. центр японского лова на Камчатке окончательно переместился с берега в море. Это стало возможным вследствие широко поставленного еще в начале 1930-х гг. мечения рыб, выявившего их основные миграционные пути, а также благодаря росту рыболовецкого флота и освоению техники морского лова. Японцы начинали промысел в конце апреля у Командорских островов, затем, по мере продвижения косяков к рекам восточной Камчатки, они переходили в Камчатский и Кроноцкий заливы. Большое количество лосося вылавливалось возле Курильской гряды, причем его преобладающая доля приходилась на нерку, шедшую в реку Озерную через проливы северной части Курил. Лов производился плавными сетями, собранными в

порядки длиной в несколько сотен метров, сплошь перегораживавшими проливы между островами.

С началом Тихоокеанской войны, то есть военных действий между США и Японией, характер японского активного рыболовства изменился: с 1942 г. он проводился только на западной Камчатке. Из Озерной, Кошегочка, Опалы, Митоги и других пунктов постоянно наблюдались скопления японских судов, находившихся на расстоянии шести — восьми миль от берега. Количество судов заметно выросло по сравнению с 1941 г. Это объяснялось тем, что сюда была перебросена их часть, ранее промышлявшая в районе Алеутских островов. По оценке дипагента НКВД А. Савельева, в Большерецком районе находилось не менее 150 единиц: плавбазы, сейнеры, тральщики, кавасаки и моторно-парусные шхуны. В 1942 г. лов длился до сентября. Советские уловы нерки в Усть-Камчатском районе продолжали снижаться.

Японский морской лов по-прежнему отрицательно влиял на уловистость советских ставных неводов: в море перехватывалось значительное количество лосося. Как и в довоенные годы, в ловушки попадало много помятой рыбы со следами сетей.

В 1943 г. из-за условий военного времени численность японского промыслового флота резко сократилась. Ученые Камчатского отделения ТИНРО полагали, что именно это стало причиной обильного хода нерки в реке Озерной, наблюдавшегося в сезон 1943 г.

ЯПОНСКАЯ РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ПОЛУОСТРОВЕ В 1930—1940-х гг.

Ослабление России в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. и в результате гражданского противостояния 1918—1922 гг. было использовано Японией для проникновения в прибрежные воды Камчатки, Приморья, побережья Охотского моря и Сахалина. Отныне эти районы Дальнего Востока на летний период превращались в сезонную базу японской рыбной промышленности. Третья статья советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. предоставляла японцам право свободного пользования побережья в пределах границ арендованных участков. О том, какое значение камчатские рыбные промыслы имели для Японии, в 1940 г. говорил доверенный базы № 1023 фирмы «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» Канаяма Косаку: «Если бы не Камчатка, то

до ста тысяч народа были бы выброшены на улицу безработными и не могли бы существовать».

Нередко по заключаемым между Россией (СССР) и Японией соглашениям японцы получали преимущества перед отечественными рыбопромышленниками. Однако, несмотря на это, они неоднократно нарушали их основные положения. Вот лишь один характерный эпизод. В июле 1930 г. инспектор рыболовства К. Русских задержал в устье реки Жупаново катер и кунгас фирмы «Нисино Суйсан Кабусики Кайша». Председатель местного сельсовета заявлял о том, что суда этой фирмы неоднократно заходили в устье реки. При осмотре катера в нем были обнаружены крабовые сетки. «Считаем, что в данном случае мы имеем дело с массовым и незаконным переходом нашей границы... а также попытки к хищническому лову крабов...».

Ниже охарактеризованы некоторые особенности работы японских рыбопромышленников на Камчатке и их взаимодействие с советскими официальными органами в 1934—1944 гг. Материалы, легшие в основу этой главы, накоплены дипломатическим агентством НКВД СССР, действовавшим в Петропавловске.

Общая характеристика японских промыслов. К началу 1930-х гг. доминирующее положение в конвенционных районах заняла компания «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». С 1932 г. она стала арендатором 97 % японских рыболовных участков на Камчатке. Оставшиеся 3 % находились в руках двух частных промышленников.

В 1934 г. японцы начали работу в Усть-Камчатском районе с 11 мая. Сезон здесь длился до 10 сентября, то есть 128 дней. В других районах его продолжительность составила (в днях): в Карагинском — с 1 июня по 1 октября — 91, в Хайрюзовском — с 3 июня по 30 августа — 57, в Соболевском — с 15 июня по 28 августа — 74, в Усть-Большерецком — с 16 июня по 10 сентября — 85, в Тигильском — с 18 июня по 31 июля — 43.

Четный год характеризовался массовым ходом горбуши. В этом сезоне на Камчатке работало 17 865 японцев (в Усть-Камчатском районе — 1 303, в Карагинском — 4 169, в Хайрюзовском — 1 197, в Соболевском — 5 633, в Большерецком — 5 531 и Тигильском — 333). По японским данным, компания Ничиро произвела лососевых консервов на 238 350 ящ. больше, чем планировала. Общая стоимость ее консервной продукции за 1934 г. составила 30 млн, а на долю соленой рыбы пришлось еще 14 млн иен.

Советская сторона отмечала, что особенностью этого промыслового сезона являлось полное отсутствие нарушений арендных и

концессионных договоров с японской стороны. Более того, «на западном берегу имелся случай, когда администрация японского завода № 23 повела борьбу по своей инициативе с “хищниками в открытом море” и сняла несколько плавных сеток с японского плавзавода, попавших на территорию участка завода».

Дипломатический агент НКВД Г. Тихонов указывал, что во время его пребывания на японских промыслах их администрация неизменно старалась выставлять на первое место отсутствие нарушений как «признак добрых отношений между японскими рыбопромышленниками и органами Дальрыбы». Инспекторы Дальрыбы не составили ни одного протокола о нарушениях, за исключением актов о перелове, возникшем из-за того, что вес консервных банок засчитывался в вес готовой продукции. Этот вопрос, ставившийся еще в прошлые годы, до сих пор не получил разрешения.

Советские официальные лица объясняли это нежеланием японцев давать СССР повод на предстоящих переговорах о пересмотре рыболовной конвенции, срок действия которой завершался в 1936 г., к обвинению их в систематическом нарушении договоренностей, и наоборот, иметь возможность говорить о подобных нарушениях со стороны советской администрации.

Следующий сезон 1935 г. оказался для японцев не столь удачен. Результатами работы арендаторы были недовольны. Вопреки их ожиданиям, ход нерки на западном побережье оказался незначителен. Десяток консервных заводов, расположенных в районе Озерная — Большерецк, вынужден был переключиться на производство менее ценных консервов из горбуши. В результате эти предприятия выполнили планы по выпуску консервов из нерки не более чем на 12—15 %.

В 1934 г. завод № 27 к 31 июля произвел 16 500 ящ. нерки, а на эту же дату в 1935 г. — всего 269. Завод № 31 на 28 июля 1934 г. поймал и обработал 220 тыс. шт. нерки, в 1935 г. — лишь 70 тыс. В Усть-Камчатском же районе, напротив, ход нерки был хороший, за счет него японцы сумели частично компенсировать недолов на западном берегу.

А вот ход горбуши на западной Камчатке в 1935 г. был чрезвычайно обилен, причем рыба шла исключительно крупная. Так, если в 1934 г. на один ящик в 48 фунтовых банок требовалось 80—90 шт., то в 1935 г. — всего 30 рыбин. Это позволило японцам перевыполнить план по выпуску консервов из горбуши. В целом годовое задание фирма Ничиро количественно выполнила перекрытием недолова по нерке переловом горбуши.

В Карагинском районе японцы в сезоне 1935 г. наладили выпуск нового вида продукции — лососевой колбасы. Она состояла из 70 % рыбного фарша, небольшого количества свинины, картофельной муки и пряностей. Готовая продукция укладывалась в металлические ящики и заливалась жиром. В таком виде она отправлялась в Японию. По вкусу рыбная колбаса не уступала лучшим видам вареной мясной.

В 1935 г. к встрече японцев советская пограничная охрана, рыбнадзор и таможня подготовились лучше, чем в предыдущие годы. На местах были проведены межведомственные совещания, на которых «не только еще раз перед нашими работниками, соприкасающимися с японцами, были заострены вопросы тактичности, вежливого обращения с японцами в целях того, чтобы избежать всяких недоразумений и конфликтов, но и установлен контакт в работе между представителями этих ведомств». Результатом стало отсутствие в последующем со стороны японцев жалоб или недовольства действиями и поведением советских представителей.

Дипломатический агент НКВД в поездках по западному побережью посетил двадцать японских заводов. Их руководство подчеркивало, что в этом году «как никогда раньше они довольны отношением к ним наших работников... В свою очередь, и поведение японцев не в пример прошлых лет было корректным, исключая возможность возникновения каких-либо конфликтов. Об этом поведении японцев неоднократно приходилось слышать от наших работников, которые уже не первый год работают на Камчатке...». Ларчик открывался просто — в 1935—1936 гг. ожидалось начало переговоров о продлении или перезаключении рыболовной конвенции.

В 1935 г. советская сторона уделила большое внимание подбору инспекторов Дальрыбы. Все они были снабжены форменной одеждой, повышавшей их авторитет в глазах японцев. «Это еще не значит, что все уже сделано в этом направлении, и что в будущем не предстоит работы в части улучшения состава рыбнадзора. Были случаи и в этом году, правда, единичные, когда отдельные работники рыбнадзора позволяли себе компрометирующие их поступки, как-то: требование от администрации япзавода сверхусиленного питания, выпивки с японцами. Был случай, когда у инспектора С... были обнаружены японские иены. Многим инспекторам не хватает общей культурности, на что, нам кажется, Дальрыбе необходимо будет обратить внимание наравне, конечно, с дальнейшим улучшением качественного подбора инспекторов».

Рыболовная конвенция 1928 г. декларировала право японцев «в пределах границ участков свободно пользоваться побережьем. Они могут производить там необходимые починки своих лодок и сетей, вытаскивать таковые на берег, выгружать, обрабатывать и сохранять свои уловы и добычи. В этих целях им должно быть предоставлено право свободно возводить там постройки, склады, хижины и сушильни, или перемещать таковые». Несмотря на это, получение разрешения на строительство сопровождалось большими сложностями. В 1938 г. японцы просили разрешения укрепить берег на своем заводе № 36: здесь морские волны угрожали разрушением холодильника. С этой целью консул Юхаси обратился к представителям НКВД и пограничникам. Ни те, ни другие самостоятельно решить этот вопрос не могли: на любое строительство требовалось отдельное постановление Совнаркома.

В сезон 1940 г. арендаторы, несмотря на то что в прошлые годы им было в этом отказано, снова стремились получить разрешение на право стоянки их катеров в укрытиях или захода в устьях рек во время штормов.

Летом 1942 г. на побережье Большерецкого промыслового района действовали четыре советских консервных завода, имевшие, в общей сложности, четырнадцать линий, и десять сезонных обрабатывающих баз. Рыбокомбинат АКО имени А. И. Микояна включал консервный завод мощностью в пять линий и четыре базы. Ему принадлежали двенадцать морских промысловых участков, пять из которых в этом сезоне не эксплуатировались. Большерецкий комбинат с заводом на три линии и двумя базами снабжался рыбой с речных промыслов и трех морских участков. Опалинская база работала на четырех морских участках, два из которых бездействовали. Озерновский комбинат включал два завода с шестью линиями, три базы и девять морских участков, из которых три не работали.

Японская сторона располагала в районе девятью консервными заводами (№ 27—34 и 51), имевшими 26 линий, и двумя посольными базами (№ 834 и 845). Они промышляли рыбу на 32 ставных неводах. Если в прошлые годы японцы вылавливали исключительно лосося, то в 1942 г. они полностью забирали всю попавшуюся в прилове разнорыбицу. Отчасти этому способствовал недолгов лососевых: ход рыбы в этом сезоне был поздним, она двигалась разряженными косяками. По оценке доверенных заводов, к середине августа планы были выполнены всего на 25—30 %. Советская сторона полагала, что японцы сознательно занижали сведения о вылове. «Эти заявления не совсем

верны. Улов этого года у японцев, конечно, будет меньше прошлогоднего, но не настолько катастрофическим, каким его рисуют...».

Объем продукции японских консервных заводов на 15 августа 1941 г. и 1942 г. составил, соответственно, 398 482 и 212 566 ящ. Основное количество консервов японцы делали из нерки и горбуши, кета и другие породы шли в засолку и на заморозку. Икра приготавливалась как русским, так и японским способами. «Отличие русского способа от японского — в чистоте: при русском способе посола икру пробивают через грохот, отделяя ее от пленки, а японским способом засаливают икру целиком, как она выпотрошена из рыбы». Ее солили в ящиках емкостью по 22 и 30 кг для японского посола и по 25—27 кг для русского.

Отходы шли на производство тука и рыбьего жира. Для этой цели на промыслах были сооружены примитивные туковарки на два или три котла. Специальных жиротуковых заводов в районе не имелось. Неиспользованные отходы (молоки, печень, кишки) закапывали в ямы.

В этом сезоне для посола рыбы стала применяться особая кислая глина, называемая «бентонай». Она, подмешанная в определенной пропорции к соли (на 40 кг соли 4—5 кг глины), не только снижала ее расход, но сохраняла в рыбе сок и противостояла окислению. Образцы глины были переданы на исследование в АКО, которое пыталось перенять у японцев этот способ посола, для чего отрядило три экспедиции по розыску глины с таким же химическим составом, как японская.

Еще одним новшеством, признанным нарушением арендных договоров, стало обнаруженное в 1942 г. такое «повсеместное явление», как впервые вскрытый в прошлом году «факт обезглавливания кеты». Об этом распорядилось руководство Ничиро с целью экономии соли, тары и увеличения за этот счет выхода продукции. Головы кеты ценности не представляли, поэтому для фирмы было выгоднее реализовать рыбу, приготовленную без них.

Впервые обезглавленную рыбу засолили в качестве опыта на восточном побережье в 1941 г. Опыт оказался удачным. Администрация базы № 729 обратилась за разрешением к инспектору Дальрыбы, на что тот «дал санкцию, вселив тем самым в японцев уверенность в безнаказанности данного способа посола». Так японцы увеличили «количество и качество готовой продукции. Голова рыбы, в среднем, весит 300 г, следовательно, японцы получили прибыль... за счет отброса голов, так как головы не используются для тука, а закапываются в ямы, и в вес отправленной в Японию готовой продукции не входят».

Советские рыбинспекторы составляли акты и квалифицировали эти действия японцев как «неправильный учет продукции» или «неустановленный способ приготовления кеты». Они полагали, что «для нас это нововведение невыгодно. За счет общего веса всех отрезанных голов кеты японцы могут искусственно увеличить норму улова». Рыбинспекторский состав и таможенники в 1942 г. размещался на японских предприятиях, поэтому контроль за их деятельностью был более эффективным. Всего инспекторы составили 32 акта и семь протоколов о приговлении обезглавленной рыбы, оставленные Главрыбводом «без последствий», что японцы учли при подготовке к сезону 1943 г.

Большерецкий район в 1942 г. располагал 60 конвекционными участками, 32 из них эксплуатировали японцы. Почти все эти участки были смежными, что существенно упрощало управление промыслами. Общая численность японцев в районе в 1942 г. составила 4 668 чел. По сравнению с прошлым годом, она выросла на 635 чел. Это увеличение произошло за счет рабочих, переброшенных сюда с восточного побережья, на котором по условиям военного времени в этом сезоне бездействовало 136 участков.

До 70% работников были пригодны для воинской службы. «В связи с этим я должен отметить тот факт, что в пунктах расположения японских заводов наши силы весьма малочисленны и рассредоточены», — указывал сотрудник дипагентства НКВД. «Эта часть района не обжита. Населенные пункты встречаются редко, да и те имеют всего по двадцать — тридцать дворов. Остальное пространство буквально пустует. Побережье этого района можно и необходимо осваивать».

Советские пограничники в 1942 г. не отмечали ничего особенного в поведении арендаторов. Внешне они были вежливы и предупредительны, часто спрашивали о последних политических и военных новостях, интересовались работой советских рыбокомбинатов.

Почти на всех заводах более или менее регулярно шли военные занятия. К ним привлекались только годные к строевой службе. На заводе № 34 шли занятия по штыковому бою с употреблением вместо винтовок бамбуковых палок, взамен гранат бросали связки камней. Кроме этого, на заводах устраивались учебные воздушные тревоги.

С рабочими регулярно проводились политбеседы. По сведениям инспекторов Дальрыбы, на заводе № 29 их вел доверенный Като. Переводчик Ямахага и конторщик Ито познакомили японцев с уставом молодежной патриотической организации. На заводе № 27 изучалась брошюра «О необходимости расширения священной войны на Востоке»

и журнал «Информационный еженедельник». Занятия проводились в помещениях. При появлении советских представителей они немедленно прекращались. Военная подготовка шла и в 1943 г.

«Необходимо учесть, что за последние два года на девятнадцатом заводе отмечалось проведение военных занятий с рабочими и служащими. В прошлом году (1942 — С. Г.) на завод было завезено 66 пар обмундирования военного образца, но без знаков различия. Весь состав рабочих и служащих был разбит на группы по 30—35 чел. Военные занятия проводились по всем видам боевой подготовки. В числе руководителей данных занятий отмечены старший переводчик Усия и доверенный завода. Следовательно, девятнадцатый завод является одной из главных баз японской военщины на камчатском побережье».

В течение сезона 1942 г. на западном побережье советские пограничники отметили один случай нарушения территориальных вод СССР японским эсминцем в трехмильной зоне (возле мыса Лопатка) и 44 аналогичных случая, имевших место в двенадцатимильной зоне.

В 1943 г. Кихчикский район объединял шесть советских рыбокомбинатов (имени С. М. Кирова и А. И. Микояна, Пымтинский, Кихчикский, Митогинский, Большерецкий), располагавшими шестью консервными заводами с 18 линиями и 19 базами. Их обслуживали 42 морских участка.

Японская сторона располагала здесь семью заводами (№ 18—22, 24, 75) с 21 линией и пятью базами. Их обслуживали 33 морских участка. Численность японцев, прибывших в район в 1941 и 1943 гг., была примерно равна. Ее увеличение в 1942 г. советская сторона объясняла тем, что сюда были переброшены рабочие руки, высвободившиеся после того, как перестали работать восточно-камчатские участки. Последующее снижение в 1943 г. произошло от того, что в этом году война забрала и этих опытных рыбаков. «Как известно, японцы законсервировали рыболовные участки полностью на восточном побережье, в Приморье и на Сахалине, а также частично — на западном побережье. Объяснение японцев о том, что опасно ловить рыбу на восточном побережье можно считать фиктивными, так как основной контингент рабочих является пригодным для армии, которая их и забрала. Сейчас уже имеются из числа рабочих, и даже администрации, люди со следами увечий, полученных вследствие ранений. То, что в этом году японцы резко сократили число действующих рыболовных участков и количество рабочих, показывает, что потребность в боеспособных людях возросла».

Сведения о возрастном составе японцев, находившихся в Кихчикском районе 20 августа 1943 г., показывают преобладание в их числе допризывной молодежи и старших возрастов. Всего здесь имелось 3 797 чел., в том числе в возрасте до 19 лет — 720, от 19 до 24 — 475, от 24 до 35 — 845, от 35 до 42 — 669 и свыше 42 — 1 088.

22 июля 1943 г. пограничный корабль «Дзержинский» на траверзе мыса Три Сестры задержал три японских шхуны. У капитана одной из них — «Дайити-Тенриу-Мару № 31» — была обнаружена съемка советского берега. Вечером была арестована еще одна тресколовная шхуна. В ходе ее осмотра выяснилось, что большинство членов команды носят полувоенную форму, на судне замечен порядок и «большая оснащенность различными навигационными приборами. Очевидно, шхуна вместе с людьми принадлежит воинской части, дислоцирующейся в районе Курильских островов». Это позволило советской стороне сделать вывод, что японцы ведут активную разведку камчатского побережья. Аналогичные случаи наблюдались и в прошлые годы. Всего к 1 августа 1943 г. в Петропавловск были отконвоированы шесть шхун.

28 июня было зарегистрировано еще одно нарушение государственной границы СССР. В десятом часу вечера к берегу в районе устья реки Озерной подошла шлюпка с парохода «Нисен-Мару». 22 июня он вышел из Отару на остров Парамушир, и в пути, по словам японцев, «потерял ориентировку», из-за чего сел на мель на расстоянии мили от берега. Экипаж этого небольшого лесовоза насчитывал 20 чел., его возглавлял капитан Носимору. Кроме моряков, на борту судна находилась воинская команда из 9 чел. На «Нисен-Мару» стояла 75-миллиметровая пушка, два зенитных пулемета, хранились около 40 ящиков снарядов и 12 винтовок. Судно везло уголь. Видимость в момент подхода шлюпки к берегу составляла 100—150 м. На следующий день пароход по приливу самостоятельно снялся с мели. По приказанию начальника погранвойск СССР, ему разрешили покинуть советские воды, но людей, высадившихся на берег со шлюпки, задержали.

«Судя по данным нарушениям, японцы, видимо, хотят имеющимися остатками людей и плавсредств убить двух зайцев. С одной стороны — как-то возместить потери в недолове рыбы вследствие консервации значительного количества рыболовных участков. Поэтому они пошли на активизацию хищнического лова рыбы около наших берегов, причем самого беспардонного. С другой стороны — основное назначение данных шхун состоит в наблюдении за морем в связи с активизацией военных действий американцев вблизи Курильских островов,

одновременно ведут контроль за движением наших судов и разведку побережья Камчатки, следовательно, используют рыболовные шхуны в качестве наблюдательных постов японского военного флота».

Нарушения арендных договоров в 1943 г. сводились, в основном, к засолу обезглавленной рыбы и к использованию двух ловушек на неводах. Если в сезоне 1942 г. японцы для отсекаания голов изготовили кустарные станки прямо на промыслах, то в 1943 г. они модернизировали их конструкцию и произвели эти устройства в массовом количестве на заводах в Японии. В 1942 г. обезглавленную продукцию «изготавливали на основании указания руководства Ничиро, то в этом году японцы идут дальше и объясняют, что они действуют по разрешению своего правительства».

К установке запрещенных двух ловушек на неводы японцев подтолкнули действия советской стороны. В 1942 и 1943 гг. вторые ловушки применяли Ичинский, Пымтинский, Кировский и другие комбинаты. Они ставились здесь вопреки протестам Дальрыбы по указаниям руководства АКО и распоряжениям заместителя наркома рыбной промышленности СССР И. Шередека.

«20 июля (1943 г. — С. Г.) участковый доверенный на девятнадцатом японском заводе Сато, следуя катером..., увидел, что на участке № 763 комбинат работает на двух ловушках, поэтому Сато задал вопрос: “Почему АКО ловит двумя ловушками на одном участке?”. Участковый инспектор Дальрыбы отметил, что данный факт оформлен протоколом. Только после категорического требования со стороны Дальрыбы, основываясь на статье 14-ой конвенции, вторая ловушка была снята...».

В 1943 г. на Камчатке находилось 9 429 японцев. В этом сезоне здесь эксплуатировалось 145 участков из арендуемых 308, то есть 47 %.

30 марта 1944 г. в Москве было заключено соглашение о продлении действия рыболовной конвенции на предстоящий сезон. Интересная реакция представителей администрации некоторых японских предприятий на это событие. Участковый доверенный заводов № 18 и 19 Араки Масакичи полагал, что «продление договора о рыбной ловле мы, японцы, рассматриваем как фактор, свидетельствующий о дружбе между СССР и Японией. Японцы прекрасно понимают значение этого соглашения. Все газеты писали об этом. Но между нами говоря, мы, конечно, не являемся друзьями, мы только дипломатические друзья, особенно в 1944 г. Мы открыто называем себя друзьями и это не случайно. В Японии ходят слухи, что Мацуока (министр иностранных

дел — С. Г.) с марта 1944 г. находится в Москве. Об этом нигде не пишут, но, вероятно, это так».

В соответствии с соглашением, японцы полностью законсервировали свои рыболовные участки на восточной Камчатке. Частично были свернуты участки и на западном берегу полуострова. Количество эксплуатировавшихся промыслов резко снизилось: в 1944 г. их было только 31 из 277 арендуемых (11,2 %). В этом сезоне арендаторы прибыли на свои участки по сравнению с 1943 г. с месячным опозданием. Большинство из них приехало в середине и даже конце июля. Так, первые пароходы на завод № 31 пришли 19 июля. Опоздание объяснялось недостатком судов, вызванным войной. В общей сложности, на одиннадцать заводов (№ 18—21, 24, 31—34, 42, 75) и засольную базу № 806 приехало 5 124 чел., из них 4 955 рабочих и 169 служащих. Раньше всех — 3 июля — люди появились на заводе № 34.

Общее количество японцев по сравнению с прошлыми годами значительно уменьшилось, но их число, работавшее на тех участках, которые эксплуатировались и в прежние сезоны, оставалось примерно постоянным: в 1941 г. — 5 033, 1942 г. — 5 942, 1943 г. — 5 372 чел. Большинство работников вновь представляла молодежь до 19 лет и зрелые мужчины старше 42 лет, то есть малопригодные или совсем освобожденные от воинской службы. В их числе имелись малолетние подростки, которым был увеличен возраст из-за того, что Дальрыбна не разрешала использовать на промыслах детский труд. Много имело и инвалидов войны. Возрастной состав японцев был следующий: до 19 лет — 691, от 19 до 24 лет — 409, от 24 до 35 лет — 1 001, от 35 до 42 лет — 995, старше 42 лет — 2 028. По сравнению с 1943 г. произошло увеличение старших возрастов на 9 %: старше 42 лет в прошлом году было 31 % рабочих, а в 1944 г. — 40 %.

Большинство физических сильных и здоровых мужчин было поставлено под ружье. По словам переводчика завода № 20 Момма Тоору, «в сезон этого года японское правительство дало указание отобрать на рыбопромыслы людей бракованных, непригодных к военной службе, но рыбу ловить они могут».

Советские официальные лица отмечали, что японцы «имели заморенный вид. Наблюдались случаи, когда рабочие пекли на кострах свежельовленную рыбу и с жадностью ели ее без соли и приправ. Такие рабочие не могли интенсивно работать. Например, 6 июля сего года во время разгрузки парохода “Ункай-Мару № 15” старший рабочий Танако Хандзиро не мог ничем поддержать дисциплину среди

рабочих и ускорить разгрузку. Он начал ругаться, затем бросился на рабочих и избил одного из них за то, что тот вяло работал».

Люди были плохо снабжены спецодеждой, даже курибаны (работчие по спуску и приему плавсредств) работали босыми в ледяной воде. Рабочий день доходил до 15—17 часов в сутки. В результате плохого питания, нехватки спецодежды и физических перегрузок наблюдались массовые заболевания. На заводе № 19 их было зарегистрировано около пятисот: 39 простуд, 76 нервных, 42 кожных, 10 суставов, 179 внутренних органов. Кроме этого, на производстве произошло 185 несчастных случаев. На заводе № 20 отмечалось около 300 случаев заболеваний, так что больница не могла вместить всех больных и, как правило, туда принимались только тяжелобольные. «В каждом помещении можно было видеть несколько человек, которые лежали без всякой медицинской помощи и санитарного обслуживания...». На день отъезда арендаторов на заводе № 32 тяжелые заболевания имели 24 чел.

Как и в прошлые годы, неводы были установлены в течение десяти дней после высадки. По традиции, после их установки на заводах проводили праздники «Амиороси». Администраторы выступили с патриотическими речами, пытаясь поднять этим дух соплеменников. Рабочие пили саке, пели национальный гимн и воинственные песни.

На заводе № 18 такой праздник начался 19 июня маршем молодых рабочих и исполнением гимна. Перед строем выступил участковый доверенный Араки, сказавший: «Надеюсь, все вы знаете, для чего мы приехали на Камчатку, поэтому должны приложить все силы для вылова рыбы, и так как у нас осталось немного времени, то мы должны приложить все силы на выполнение плана, который нам дан фирмой. Каждый должен знать, что наша героическая армия ведет ожесточенную войну против наших врагов Англии и Америки. Мы здесь находимся на фронте, мы добываем продукты для нашей страны. Поздравляю вас с праздником “Амиороси!”». Затем районный доверенный Омата кричал «Банзай!» в честь императора, армии и летчиков, «сражающихся против Англии и Америки».

Настроение японцев, по сравнению с прошлыми сезонами, было явно подавленным. Военный перевес уже давно склонился на сторону союзников и поражение Германии, да и самой Японии, было уже не за горами. Руководство предприятий было менее разговорчиво, чем в прошлом году. «По вопросу о войне в Европе администрация японских заводов высказывается или за то, чтобы Германия как можно дольше держала фронт, или бы скорее подписала мир с Советским Союзом. Как в том,

так и в другом случае они считают, что для Японии облегчиться положение на фронте в войне с Англией и Америкой... А что касается рабочих, то они настолько забиты, что не смеют отвечать на самые безобидные вопросы, в их взглядах чувствуется лишь приветливость и нестерпимое любопытство».

Японцы пытались показать свое расположение к СССР. «Арендаторы встречали наших представителей обычно у границы заводов, первыми здоровались, тогда как в прошлом году иногда даже не отвечали на приветствия... В разговорах старались подчеркнуть дружбу Японии к СССР. На некоторых заводах вывешены снимки Сталина и Мацуока».

Руководство промыслов было соответствующим образом проинструктировано. Переводчик завода № 20 Камура рассказывал: «Когда мы выезжали на Камчатку в этом году, нам говорили, чтобы мы поддерживали дружеские отношения с русскими представителями и одновременно предупреждали, что могут быть со стороны русских всевозможные притеснения. Это мы учитывали, но когда мы приехали на Камчатку, то оказалось не так. Русские относятся к нам очень хорошо, все вопросы разрешаются только положительно. Мы очень рады, что русские понимают, что их сосед Япония тоже воюет с большими трудностями».

На заводах по-прежнему проводились военные занятия: строевые, штыковой бой, перебежки и переползания, метание гранат. На них имелась спецодежда цвета хаки: на заводе № 18 — 186, на заводе № 19 — 164, на заводе № 20 — 158 и на заводе № 21 — 160 комплектов. Ее никому, кроме администрации, не выдавали, а хранили как неприкосновенный запас до окончания путины.

Военные действия непосредственно задели японских арендаторов. Так, механик катера завода № 18 Хаяси сообщал следующее: «Говорю вам от всего сердца, что, следуя на Камчатку, пришлось очень много пережить, иногда хотелось плакать. Причина — это боязнь быть потопленным американскими подводными лодками, которые снуют в Охотском море и топят наши пароходы даже у берегов Японии».

Его слова подтверждаются такими фактами. 5 июля 1944 г. подводная лодка торпедировала пароход «Синмей-Мару», стоявший под разгрузкой в районе Озерной. 19 июля пароход «Дальстрой» подобрал из воды 17 японцев с потопленного парохода «Ниппе-Мару». На берег море выбрасывало трупы моряков, солдат и офицеров, спасательные костюмы, предметы с разбитых и потопленных судов. Это порождало среди японцев еще большее уныние.

Недостаток средств и материалов привел к тому, что в сезон 1944 г. японцы впервые не ремонтировали свои предприятия. Даже текущие работы делались лишь для жилых помещений и некоторых станков, без которых совершенно нельзя было обойтись.

Характер изменения численности районов конвенционных вод, в которых действовали японские промышленники, и объем произведенной ими продукции за четыре военных года (1941—1944 гг.) иллюстрируют следующие данные:

— в 1941 г. в десяти районах конвенционных вод приготовлено 797 089 ц продукции;

— в 1942 г. в пяти районах выработано 513 943,6 ц;

— в 1943 г. в четырех районах произведено 506 726 ц;

— в 1944 г. в трех районах поймано 194 105 ц.

Общая продукция за четыре года составила 2 011 863,6 ц. Налицо более чем четырехкратное ее снижение в 1944 г. по сравнению с 1941 г.

В соответствии с договорами на аренду морских рыболовных участков, промыслы должны были окончательно сниматься не позднее 28 сентября. Первые пароходы осенью 1944 г. начали прибывать на побережье только 15 сентября. После 28 сентября возле берегов полуострова стояли шесть судов, которые не грузились из-за шторма. 16 октября пришли пароходы на заводы № 31, 33 и базу № 806. У них оказались просрочены навигационные свидетельства. На заводе № 21 оставались 69 чел., которые без всякого оформления сели на судно и ушли в Японию. В этот же день администрация базы № 806 также самовольно, без разрешения пограничников, посадила 150 чел. на пароход «Нирюхо-Мару». Рыбопродукция осталась зимовать на базе. Последний пароход в 1944 г. убыл в Японию 8 ноября, то есть на сорок дней позже разрешенного срока.

За сезон 1944 г. на японских предприятиях от болезней умерло 9 чел.

Руководство японскими промыслами на Камчатке. Фирма «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» являлась акционерным обществом, правление которого размещалось в Токио. Почти все высшие администраторы фирмы были ее акционерами. Ничиро работала исключительно на Камчатке. Ее главная контора камчатских промыслов размещалась в Хакодате — в порту северной Японии, традиционно служившим основным местом отправки на полуостров рабочей силы, снаряжения и промыслового снабжения.

Главная контора вела свою деятельность через отделы: финансовый, рыболовных промыслов на Камчатке, разных предприятий и

иностранный. По данным советской стороны, основные оперативные дела фирмы решались в Хакодате, а главную роль в начале 1940-х гг. в них играл управляющий отделом рыболовных промыслов на Камчатке Ооми. Ему непосредственно подчинялись:

- управляющие (доверенные) рыболовными районами, разделенными на секторы, ведавшие восточным и западным побережьями;
- иностранный отдел, состоявший из трех секторов, занимавшихся делами Дальрыбы, таможни, взаимодействием с пограничниками;
- отдел механизации и оборудования;
- отдел изготовления неводов;
- отдел обработки соленой продукции;
- консервный отдел;
- рыболовный отдел;
- отдел кунгасного хозяйства;
- отдел рабочей силы.

Последние семь отделов имели своих агентов в Панкаре, Облуковине, Иче, Воровской, Кихчике, Большерецке, Опале, Голыгине, Явино, Озерной, Утке, Усть-Камчатске, Уке и Охотске.

Непосредственно на Камчатке располагались главные управления промыслами западного и восточного побережий. Отсюда представители фирмы посещали подведомственные им участки на специальном административно-разъездном пароходе. Побережья Камчатки в свою очередь делились на районы, во главе которых стояли районные доверенные фирмы. Так, Усть-Камчатский район в 1942 г. возглавлял доверенный Такеда Садоми, имевший заместителя Сато и секретаря.

Районные доверенные наделялись обширными правами, сводившимися к единоличному управлению промыслами. На западном побережье находились четыре района и соответственно, четыре доверенных. Им непосредственно подчинялись участковые (подрайонные) доверенные, число которых в каждом районе было различно и зависело от конкретных производственных условий: количества заводов и баз, объемов и способов приготовления продукции.

Каждым консервным заводом и прикрепленными к нему морскими рыболовными участками управлял доверенный завода или базы, имевший несколько переводчиков для общения с советскими властями. Кроме этого, на каждом заводе находились директор, заведующий рефрижераторным хозяйством и инженерно-технический персонал. Все заводы комплектовались хорошими специалистами, многие из которых служили в фирме по 20—25 лет. Некоторые из них работали с

1913 г. Функции доверенного базы или завода распространялись только на порученный ему объект. Иногда старшие или участковые доверенные по совместительству выполняли работу доверенного завода.

Структура административного управления западно-камчатским промышленным районом в 1942 г. представлялась в следующем виде.

Доверенным Ничиро по Большерецкому рыбопромышленному району был Тамидзаки, участковыми (подрайонными) доверенными Уэмура (заводы № 31, 32, 33 и 34), Амемя (заводы № 30, 51 и база № 845), Араки (заводы № 29, 28, 27 и база № 834). Старшими доверенными являлись Мацуя и Синья, доверенных заводов и баз в районе насчитывалось одиннадцать человек.

Кихчикский район: районный доверенный Такаяма, участковые доверенные Каваками, Савай, Такизава, старшие доверенные Ота, Тории. Крутогоровский район: районный доверенный Кумагай, участковый доверенный Окамото, старший доверенный Носияма. Ичинский район: районный доверенный Омата, участковый доверенный Ямасита, старший доверенный Исида.

Восточно-камчатский район имел несколько отличную структуру управления. Районным доверенным здесь был Такеда, его заместителем Сато, доверенными на заводах № 36, 37 и 39 Терасини, Симоди и Кумамото. Каждый из доверенных одновременно имел право управления всеми тремя заводами.

В течение рыболовного сезона 1942 г. на побережья выезжали с инспекцией представители хакодатского отделения фирмы: директора иностранного отдела Мацуя и рыболовного отдела Янагия. Они размещались на административном судне «Тайсей-Мару», пришедшем на Камчатку 25 июля и ушедшем в Японию 11 сентября. За это время оно обошло все промыслы, побывав на некоторых из них несколько раз. Так, завод № 19 «Тайсей-Мару» посетило шестикратно.

Для связи между отдельными участками японцы использовали письменосцев. Они могли передвигаться только по морю. Такая доставка почты требовала отрыва от промысловой работы катера и его команды, тогда как по берегу письменосца можно было отправить на лошади или пешком. Движение по берегу разрешалось лишь в исключительных случаях, например, в случае шторма. Для этого каждый раз у советских пограничников следовало получать разовый пропуск.

Его получение являлось весьма сложным делом. Вот как эта процедура выглядела в середине 1930-х гг. «Предположим, что тому или иному японцу надо добраться до соседнего завода, расположенного в

десяти километрах на север, а резиденция начальника КП (контрольного пункта — *С. Г.*) находится в двадцати километрах на север. Следовательно, дойдя до своего места назначения и сделав дела, японцу все же придется добираться до начальника КП, и получить хотя бы с опозданием пропуск на совершенное им передвижение, дабы избежать привлечения к ответственности за несоблюдение правил пребывания в пограничной полосе. Еще хуже обстоит дело, если необходимость требует передвинуться на север, а начальник КП находится на юге. Вся сложность вопроса заключается в том, что идя за пропуском, заинтересованный уже нарушает режим пограничной полосы».

Пограничники видевшие, что соблюдение таких правил передвижения иностранцев в пограничной полосе способно лишь вызвать недоразумения, не могли внести в них какие-либо изменения на месте. На множественные обращения японцев с предложениями по этому поводу они либо не отвечали, либо сообщали, что донесли о них своему начальству. «Начальство» же разрешения не давало, и конкретного ответа японцы так и не получили.

Организация работы предприятий. В первую очередь после прибытия на Камчатку в начале сезона, арендаторы приступали к установке неводов. Одновременно с этим они готовили плавсредства, регулировали механизмы заводов. При благоприятной погоде неводы выставлялись за три — четыре дня, все остальные работы заканчивались через семь — десять дней.

Организация работы на всех японских промыслах, подчинявшихся единой дирекции фирмы, была одинакова. Административный персонал и рабочие делились по следующим основным специальностям и профессиям:

- доверенный фирмы (на заводе и на базе);
- переводчики (старшие и младшие);
- технический руководитель лова;
- техники лова;
- заведующие консервным производством;
- механики (старшие и младшие);
- конторщики (бухгалтеры, завхозы);
- врачи;
- сендо;
- мастера и старшие рабочие по лову, по разделке, по посолу, по мойке рыбы, икрянщики;
- промысловые и береговые рабочие, ловцы, разнорабочие;

- монтеры, слесари, кузнецы, жестянщики, плотники;
- обслуживающий персонал: повара, дворники, прислуга.

Рабочие делились на две группы: кадровые (то есть квалифицированные) — сендо, старшины катеров, мастера, и сезонные — ловцы и обработчики, вербовавшиеся в деревнях. Особую роль играли сендо, или, как их стали называть в конце 1930-х гг., — «герियोче». На каждом промысле их было от двух до пяти человек, среди них различались старшие и младшие. Сендо распределялись по специальностям. На них возлагалась масса обязанностей. Главными среди них являлись: постановка, переборка, снятие и уборка неводов, расстановка рабочих по операциям, поддержание порядка и дисциплины. «Одним словом, без сендо не начинается и не кончается ни одна работа».

Переводчики, кроме своих прямых обязанностей, выполняли административные функции. Среди них различались старшие, младшие и, кроме того, — практиканты. Младшие переводчики несли полицейскую службу, старшие вели учет продукции. Старших переводчиков называли «гайдзи-гакари», что примерно означало «заведующие иностранными делами». Обычно на каждом заводе находились два или три переводчика, но в сезон 1942 г. их количество было больше обычного. Это обстоятельство советская сторона объясняла общим уменьшением числа японских участков за счет их ликвидации на восточном побережье Камчатки. Видимо, по этой же причине на некоторых заводах было и по два доверенных, выполнявших одни и те же обязанности. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении участков (или как их еще называли «подрайонных») доверенных).

Внутренний распорядок. Рабочий день на японских промыслах начинался в пять часов утра и заканчивался с наступлением темноты, то есть около восьми часов вечера. Для приема пищи устанавливались три перерыва: на завтрак в шесть, на обед — в двенадцать и на ужин — в семнадцать часов. В половине одиннадцатого давался отбой.

Рабочие в начале 1940-х гг. размещались в легких деревянных бараках вместимостью 50—100 чел. Жилая площадь в них распределялась крайне экономно. В середине барака находился проход, по обеим сторонам которого располагались нары. Каждый рабочий имел определенное место, в изголовье которого на полках располагались его личные вещи. В центре барака устраивалась железная печь. Все его пространство перегораживалось веревками для сушки одежды. Большие бараки иногда делились на два или три отделения. Умывальники, бани и уборные размещались рядом с бараками.

Столовые для рабочих представляли собой достаточно вместительные помещения. Здесь не было ничего лишнего: единственную «мебелировку» составляли длинные столы и скамейки. Стены обычно завешивались плакатами и различными лозунгами. Рабочие питались в две смены. Каждый из них имел постоянное место. Пища была простая и, главным образом, состояла из риса, бобов, репы, редьки, лука и рыбы. Администраторы питались отдельно от рабочих. Сендо также имели свои столовые, размещавшиеся в их жилых помещениях.

Рабочие в основной массе носили типичную японскую одежду. Их головы были защищены широкополыми соломенными шляпами или обвязаны полотенцами, некоторые совсем не покрывали голов. «На теле — рубашка или что-то подобное ей и подтянутые штаны. На ногах — резиновые сапоги, но часто встречались босые или в тапочках». Спецодежда и резиновая обувь выдавались за счет фирмы. Рабочие в цехах носили фартуки, ловцы — пропитанную олифой одежду.

Администрация имела особую форму, присвоенную фирмой: темно-синий китель с одним рядом пластмассовых пуговиц и брюки. На правом лацкане кителя прикреплялся особый значок. Головным убором служила полусуконная кепи цвета хаки. Но ношение такой формы не было обязательным: многие администраторы одевались в соответствии с собственным вкусом и достатком.

В качестве парадных на промыслы в личных вещах были завезены одежда и головные уборы военного образца. Их обычно не носили, заменяя ими выходной костюм.

Прием и отправка японских судов. Приказом Наркомвода СССР от 25 августа 1932 г. № 290 иностранным судам, заходившим в советские порты или стоявшим в морской пограничной полосе, запрещалось пользоваться радиосвязью. Их приемно-передающая аппаратура должна была опечатываться «без опечатывания самих помещений радиорубок». Японская администрация выражала недовольство таким порядком. Она ссылалась на то, что в камчатских условиях это было чрезвычайно опасно: погода здесь быстро менялась, и пароходам, не имевшим возможности получать метеосводки, приходилось всегда быть под парами. Арендаторы просили разрешить им пользоваться радио, если не круглосуточно, то хотя бы два — три часа в сутки.

Погранохрана находила эти доводы весьма убедительными, тем более что без опечатывания радиорубок не возникало препятствия в использовании радиоаппаратов, в чем она неоднократно убеждалась. «Таким образом, выполняя эту формальность, мы занимаемся,

во-первых, самообманом, а во-вторых, даем право японцам думать о нашей некультурности в этом вопросе». В 1935 г. по ходатайству командования Камчатского пограничного отряда он был разрешен положительным образом.

Согласно действовавшим правилам, пограничное оформление пришедших на Камчатку японских судов должно было производиться на рейде. До 1938 г. советские официальные лица выезжали на пароходы как на своих катерах, так и на тех, которые им предоставляли арендаторы. В 1938 г. этот порядок был изменен. Теперь для контроля за японцами можно было использовать только советские плавсредства, которых катастрофически не хватало.

К чему это приводило, 15 июля 1938 г. сообщил заместитель начальника Дальрыбы Манайлов. «Пограничники тоже качают головой, соглашаются, что новый порядок мешает и затрудняет контроль, но дальше разговоров не идут. Еще нет хода рыбы, а мы уже допустили ряд “вынужденных льгот”. Пароходы не проверяются, что за груз привезли? Также с отвозом. Прием и отпуск пароходов здорово задерживаем, очевидно, консул будет жаловаться. К примеру, такая картина: на одном участке пароход закончил работу, уходит на другой. Пятнадцать — двадцать километров пароход движется около берега, за ним идет катер (японский, от услуг которого отказались советские представители — С. Г.), а пехом, вытянув язык, ковыляет надзор, таможенник и пограничники. Если дело к вечеру, и пароход разгружается, а до советской базы десять — пятнадцать километров, весь контроль уходит, что в это время делается на японском участке, один Бог знает...».

С одной стороны, ограничение в свободе передвижения рыбнадзора шло только на пользу японцам. У них появлялась возможность безнаказанно нарушать условия арендных договоров, применять запрещенные орудия лова, вывозить продукцию без проверки, ловить сверх установленных норм. С другой стороны, у них имелись значительные простои в процессе обработки судов и их оформлении, достигавшие двадцати часов на каждом участке.

Японский консул Юхаси, обращаясь к представителям НКВД СССР, просил урегулировать этот вопрос. Проблема была разрешена в следующем сезоне.

В 1942 г. погранвласти, по-прежнему ограниченные плавсредствами, не могли выезжать на рейд, а японскими катерами они вновь не пользовались. Поэтому теперь вся процедура оформления проходила на берегу. Необходимые документы сюда доставляли японцы. При

таким оформлением судно не осматривалось, его радиорубка не печатывалась. Арендаторы против этого порядка не возражали. Иногда они были недовольны очередностью оформления в случае одновременно прибытия судов. Единственное, о чем просил в таких случаях японский консул, так это о разрешении допустить к таможенному досмотру рыбинспекторов, дабы этим ускорить оформление. Эти пожелания, как правило, откликов с советской стороны не имели.

Прием и оформление судов проходили в следующем порядке. При подходе к промыслу японский пароход подавал позывной сигнал. Когда власти были готовы заняться его приемкой, с берега следовал ответный сигнал. С судна на берег прибывали доверенный завода, переводчик и пять — шесть рабочих. Доверенный предъявлял пограничникам свою доверенность и вручал им судовые и грузовые документы, паспорта, списки рабочих, почту. Затем доверенный осматривал помещения на промыслах, принимал их и выдавал расписку об этом. После этого пограничники разрешали свезти на берег продукты на несколько дней и топливо для печей.

Затем на промысел перевозились люди. Рабочих проверяли по спискам, а администраторов — по их паспортам. Одновременно досматривались личные вещи. На паспортах и списках делались отметки о времени прибытия. Списки пограничники оставляли у себя, паспорта же возвращали владельцам. В последнюю очередь с парохода снимался груз. Его таможенный досмотр производился по мере доставки на берег.

При отъезде японцев с промысла в конце сезона происходило примерно то же самое, что и при въезде. Доверенный подавал заявление о выбытии с указанием ориентировочного срока выезда. Затем по прибытии парохода начиналась его погрузка, шедшая в таком порядке: рыбопродукция, оборудование и заводское имущество, плавсредства и в последнюю очередь — люди.

Зимняя охрана промыслов. В 1910—1920-х гг. на зиму на заводах и базах оставались два или три японских сторожа. Их обеспечивали запасом продовольствия и топлива, они проживали в специальных утепленных караульных помещениях. В конце 1920-х гг. пребывание иностранных граждан в слабозаселенной пограничной полосе было признано невозможным. Они могли беспрепятственно передвигаться по советской территории, чем возбуждали подозрения в том, что «зимой и летом имели возможность широко заниматься разведывательной деятельностью». Отныне японцам было предписано нанимать охрану из местного населения, в основном, из работников располо-

женных неподалеку от арендованных участков колхозов. Для этого администрации рыбопромышленных фирм заключали с их правлениями соответствующие договоры. Нередко при этом возникали конфликты, вызванные, в первую очередь, условиями оплаты.

В сентябре 1938 г. арендаторы участка № 63 собирались уезжать на родину, но советские сторожа не принимали их имущество под охрану на прежних условиях. Японцы же не соглашались повысить им плату и намеревались оставить имущество без охраны. Дипагент НКВД заявил японскому консулу о том, что если его расхитят, то советская сторона не будет нести за это никакой ответственности. Консул Юхаси ответил, что колхозные сторожа ежегодно просят прибавки и поэтому дорого обходятся промышленникам. Он сказал, что лучше оставить имущество, если оно даже и пропадет, чем платить такие деньги сторожам, которые они требуют. Видимо, чтобы не осложнять отношений с японцами, власти решили сохранить сложившийся ранее порядок: «по линии» всесильного НКВД пришло указание принять имущество промысла под охрану на прошлогодних условиях.

Наличие сторожей вовсе не означало, что все имущество будет сохранено к началу будущего сезона. В начале мая 1934 г. областной суд вынес приговоры по делам о хищении с японских рыбалок, произошедших зимой 1933—1934 гг. «Все эти дела носят мелкий уголовный характер. Незначительные хищения с японских предприятий в прошлом имели место ежегодно и оставались безнаказанными. В этом году впервые местные власти повели решительную борьбу с подобными явлениями. Всего было рассмотрено три дела...».

Первым из них стало хищение промысловых материалов с завода в Иче в начале января 1934 г. Виновными признавались управляющий местным рыбокомбинатом, его директор по рабочему снабжению и секретарь партийной организации. «Эти руководящие работники рыбокомбината АКО, оставленные с рабочими на зиму для проведения подготовки к путине 1934 г., обсудив между собой положение о недостатке материалов на комбинате для ремонта плавсредств и отсутствие масла для работы электростанции, решили забрать все недостающее для нормальной работы своего комбината на соседнем японском заводе». Завод охранялся сторожами Ичинского и Облуковинского колхозов.

Обвиняемые показали, что за пять посещений они вынесли с завода 19 банок масла и 8 банок краски, 8 кг баббита, 50 электролампочек, 50 метров провода, по три поршневых кольца, напильника и мотка медной сетки, а также две прокладки для двигателя. «Это хищение,

проведенное руководителями комбината с предварительного обсуждения и выяснения у начальника таможни условий хранения имущества японцами и отсылки на время хищения сторожа с японского завода, заставляет предполагать, что о намерении хищения знали и другие руководители района, но не приняли мер к предупреждению и недопущению воровства».

Следует отметить, что все взятое у японцев вряд ли можно было использовать в личных целях. После отхода осенью 1933 г. последнего парохода в Иче создалось сложное положение с продуктами и материалами. На телеграммы с просьбой о присылке снабжения, отправленные в управление АКО, районный, областной и краевой комитеты ВКП(б), в Москву — Главрыбе и самому «всесоюзному старосте» М. И. Калинину, — ответы либо не приходили совсем, либо следовало стандартное известие о том что «меры принимаются». Возникла угроза заболевания цингой. В декабре остановилась электростанция. Отправленные в соседние районы «гонцы» не смогли ничего раздобыть, так как и там складывалось аналогичное положение.

Узнав, что японцы перед отъездом никаких описей имущества не оставили ни в таможне, ни в ОГПУ, а на сторожей была возложена только наружная охрана здания, обвиняемые решили «позаимствовать» крайне необходимое у арендаторов. «Мы были уверены, и на сегодняшний день убеждены в том, что японцы не узнают о том, что у них взято моторное масло и другие предметы, ввиду того, что всех этих материалов имелось в большом количестве у них на рыбалке, если их об этом деле никто не поставит в известность», — писали они в кассационной жалобе, адресованной в краевой суд.

«Все вышеперечисленное взято исключительно для нужд производства, так как другого выхода у нас не было. Перед нами стояло два пути: сидеть сложа руки, ожидать прихода парохода, не имея никакой гарантии в его приходе, заведомо сорвать план зимних работ и вместо работоспособных зимовщиков путины 1934 года иметь полукалек, цинготников, и другой путь — пойти на японскую рыбалку, взять необходимый для нас материал, выполнить план и иметь вполне работоспособный рабочий коллектив, способный выполнить план путины 1934 года, что нами и было сделано. Идя на этот поступок, мы не учли всей серьезности настоящей обстановки в силу оторванности от текущей жизни. Наш район является самым отдаленным пунктом Камчатской области...».

Обвиняемые получили «по восемь лет лишения свободы с содержанием под стражей». Налицо несоразмерность этого наказания по

сравнению с другими случаями, приведенными ниже, явно направленными на получение личной выгоды.

В Олюторском районе на участке № 1239 двадцатилетний инспектор Дальрыбы взял три пары резиновых сапог, посуду, резиновый плащ, продукты и «небольшой ящик с неустановленным содержимым». Характерно, что он «брал эти вещи в присутствии сторожа, пользуясь своим правом нахождения на территории японских участков». Кроме этого, он «проявил по отношению сторожа-коряка Нелеппа насилие, имеющее методы великодержавного шовинизма, в том, что самовольно хозяйничал в его помещении, выбросил из помещения сторожа табак, брал у него продукты питания... и на протесты сына сторожа побил последнего». Эта откровенная уголовщина была «оценена» пятью годами исправительно-трудовых лагерей.

Тогда же в Олюторском районе был в полном смысле этого слова разгромлен неохраняемый участок арендатора Коями Тосабуро. В его разграблении участвовали 19 рабочих с соседнего промысла АКО. Их действия носили, «помимо разграбления, характер хулиганства и безобразий». Они в течение двух недель разбивали двери и окна помещений, били посуду, ломали столы, разбрасывали и втаптывали в грязь медикаменты, испражнялись в служебных помещениях, и, наконец, «разбили изображение японского божества». По показаниям обвиняемых, с промысла было унесено 48 пар обуви, восемь брюк, паяльная лампа, нитки, перчатки, туфли, посуда, фрукты. Большинство этих вещей пограничники отобрали и возвратили на рыбалку. Произведенные разрушения были восстановлены. «Социально-опасные в условиях отдаленной погранполосы» действия троих зачинщиков, по мнению суда, заслуживали трехлетнего срока заключения, остальных обвиняемых — от полугода до года исправительных работ.

Помимо «спонтанного» разграбления имущества иностранцев, в котором, как считало ОГПУ, они сами и были заинтересованы для оказания, в случае необходимости, давления на советскую сторону, действия предпринимала и некая законспирированная организация. В ведомстве в 1934 г. следствии по фальсифицированному делу «раскрытой контрреволюционной организации, именовавшей себя “Автономная Камчатка”, было установлено, что члены этой организации угоняли отдельных лиц из местного населения проводить произвольное повышение ставок за охрану японских заводов, и тем самым добиться отказа японцев от найма русских сторожей, чтобы после того свободно приступить к расхищению японского имущества.

Такие установки отдельными членами контрреволюционной организации давались местным жителям с ведома японцев. Ежегодное воровство на японских заводах, таким образом, носило организованный характер. Однако, лица, участвовавшие в приведенных случаях разграбления, как это точно установлено сейчас, не имели отношения к контрреволюционной организации и действовали самостоятельно. Хищения, связанные с контрреволюционной организацией, сейчас находятся еще в стадии расследования».

В качестве подтверждения этого соображения говорилось о том, что японская администрация не поднимала вопроса о хищениях. Консул также не делал по этому поводу никаких заявлений. «Это обстоятельство показывает, что японцы до более удобного и нужного случая не придают и сейчас значения».

В 1943 г. помещение для зимнего сторожа на заводе № 19 представляло собой небольшой домик из двух комнат и кухни. Сторожу на зиму оставляли 5 т угля и 90 кг керосина, а также немного дров. Оплата его работы за восемь месяцев составляла 2 000 руб.

В 1944 г. промыслы, законсервированные на восточном и действовавшие на западном берегах Камчатки, после отъезда арендаторов вновь должны были поступить под охрану советских сторожей. Для этого фирма Ничиро должна была внести соответствующие деньги в кассы колхозов.

Колхозники сторожили японские заводы и базы в течение восьми — девяти месяцев в году, то есть с момента окончания их работы и до начала путины следующего года. Законсервированные заводы охранялись круглый год. Каждый завод или база имела одного сторожа, за отдельный пост фирма Ничиро уплачивала колхозу 125—200 руб. в месяц. В колхозах же люди зарабатывали за это время минимум 600—700 руб., а сторожа колхозного имущества (в основном старики или инвалиды) получали 300—350 руб. В результате такой разницы в оплате колхозники отказывались от охраны предприятий Ничиро. Колхозы назначали сторожей «в принудительном порядке» с дополнительной оплатой за счет собственных средств 150—225 руб. в месяц. С учетом этого, а также того, что фирма не обеспечивала все посты отоплением и освещением, колхозы вынуждены были нести дополнительные убытки в сумме 800—900 руб. за сезон.

Исходя из этого, 2 октября 1944 г. советская сторона сообщила японскому консулу условия, на которых колхозы могли продолжать охрану имущества фирмы. Среди них были месячная оплата не ниже 350—400 руб., ремонт сторожек, обеспечение их топливом и теплой одеждой.

Устройство и оснащение японских предприятий может быть показано на примере консервного завода № 19, располагавшегося в четырех километрах севернее второй базы комбината АКО имени С. М. Кирова. Первоначально завод, построенный японским частником в 1923 г., имел примитивное оборудование. Обработка рыбы и крабов, приготовление консервов велись на нем вручную. Производительность предприятия не превышала 400—500 ящ. в сутки.

Рабочая сила для него привозилась из Японии и частично вербовалась из местного населения. В 1927 г. завод перешел в ведение фирмы Ничиро, которая его полностью модернизировала, установила новое американское оборудование, ввела конвейерную систему, увеличила количество жилых, складских и прочих помещений.

В 1942 г. завод имел четыре линии мощность до 6 900 ящ., правда фактически он вырабатывал лишь 4 000 ящ. Площадь территории составляла 54 000 кв. м. На ней размещались одиннадцать жилых помещений на 50—60 чел., контора, совмещенная с жильем для администраторов, рефрижератор, шесть складов, больница на 15 коек, электростанция, слесарная и столярная мастерские, кузница, столовая для рабочих и администрации и подсобные сооружения. Корпус завода был обшит оцинкованным железом, все остальные помещения были построены из дерева. Ежегодно японцы производили ремонт построек и плавсредств. Суда, требовавшие капитального ремонта, увозили в Японию.

Завод арендовал три морских рыболовных и два крабоволовных участка. На рыболовных промыслах стояли по одному неводу «накануки-ами». Рыба из их ловушек наливалась в кунгасы. Их буксировали от невода к берегу небольшим катером с нефтяным двигателем. У берега кунгасы цеплялись тросом и паровой лебедкой подтягивались к одной из двух механизированных рыбоприемных или одной крабоприемной пристани. Отсюда улов поступал на сортировку, а затем — по конвейеру на завод для переработки в консервы или в засольный цех.

Консервный цех имел линии с часовой производительностью 100 ящ. весом 22—23 кг. Из рыбохранилища сырец направлялся в резальный станок, отделявший головы от тушки, затем тушки потрошили, промывались и шли в набивочную машину. Предварительно подкатанные банки по рольгангу поступали в эксгаустер и отправлялись на окончательную закатку. После промывки баночки следовали в автоклавы, стерилизовались в течение полутора часов, охлаждались и упаковывались в ящики.

Посол производился следующим образом. С пристани рыба поступала в засольные сараи, где ее обрабатывали одним из трех способов: «бара», «кайрио» или «арамаки».

Способ «бара» заключался в том, что непромытую выпотрошенную рыбу складывали штабелями, предварительно пересыпав ее солью. Штабели покрывали соломенными циновками, затем рыба хранилась под открытым небом. Перед отправкой в Японию ее помещали в соломенные кули.

Посол «кайрио» имел две разновидности: штабельную и чановую. Штабельный велся так же, как и способом «бара», но потрошение проводилось более тщательно с обязательной мойкой. При чановом посоле рыбу укладывали в брезентовые или цементные чаны, где она просаливалась в тузлуке. Готовая продукция чанового посола складывалась в штабели по 15—20 тыс. шт., покрывалась брезентом и хранилась под навесами, крытыми соломой. Перед отправкой в Японию ее раскладывали в ящики.

Сорт «арамаки» являлся наиболее качественным продуктом. При его приготовлении предусматривались потрошение и мойка, как и при способе «кайрио», но готовую продукцию затем укладывали в ящики и замораживали. В таком виде ее сохраняли до вывоза в Японию.

Заводская туковарка имела крайне примитивное устройство, представляя собой два врытых в землю котла, в которых варили рыбьи головы. Затем образовавшуюся массу выжимали ручным прессом, жир собирали в емкости, а оставшийся тук сушили. Тук применяли в качестве удобрения и как сырье для выработки кормовой муки. Последней выпускалось до 150 ц в сезон. Рыбьего жира за это же время получалось около 5 ц.

Пойманных крабов на приемной пристани освобождали от панциря, отправляли в крабоварку, а затем на завод для изготовления консервов. Крабовые панцири сушились. Они, по словам японцев, применялись как удобрение для фруктовых деревьев. Существовало предположение, что размолотые панцири использовались на сталелитейных заводах для цементации.

Предприятие располагало следующими плавсредствами: тремя морскими катерами, шестью кавасаки, 24 кунгасами вместимостью от 10 до 25 т, четырьмя мелкими шлюпками.

В сезон 1943 г. на завод было привезено 943 т горючего, в том числе 886 т угля, а также много дров для отопления и приготовления пищи.

В 1941 г. здесь работало 568, в 1942 г. — 628, в 1943 г. — 539 чел.

Продолжительность рабочего дня, особенно во время рунного хода рыбы, доходила до 18—19 часов в сутки. Несмотря на то, что интенсивность труда японцев была очень высока, в 1943 г. их питание не отличалось разнообразием и изобилием. Рацион составляли небольшая порция риса, несколько соленых редек, кусок соленой рыбы и морская капуста. Жилищные условия были неважными, в «помещениях господствует грязь, сырость, холод и теснота. Не имея специальной сушилки, рабочие сушат мокрую одежду над своими постелями. Спец-одежда рабочим не выдается, и они работают в своей рваной одежде. В силу этих причин имеется много различных заболеваний, главным образом, желудочных, а в этом году был даже смертный случай». Медицинское обслуживание вели неопытные люди, скорее всего с фельдшерским образованием.

Материально-бытовые условия, в которых находились рабочие завода № 19, в сезон 1943 г. по сравнению с предыдущими годами значительно ухудшились. «Рабочие сильно истощены работой, так как отдыха рабочие почти не имеют, работая до полного изнеможения... Рабочие в остаток времени после приема пищи бросались на землю, покрытую галькой, и немедленно засыпали... В этом году некоторая часть рабочих прибыла со следами ранений».

За увеличение рабочего дня и недостаточное обеспечение спецодеждой, как это предусмотрено трудовым соглашением, Дальрыба ежегодно штрафовала арендаторов, в среднем, по 100 руб. за каждое нарушение. Японцы уплачивали штрафы охотно, очевидно, это им было выгоднее, чем снабжать необходимой спецодеждой своих рабочих.

На восточной Камчатке крупнейшими японскими предприятиями являлись усть-камчатские заводы Ничиро № 36, 37 и 39. С вступлением в силу советско-японской рыболовной конвенции 1928 г., концессионные договоры с фирмой Ничиро ограничили на них количество консервных линий: на заводе № 36 — 6, № 37 — 7 и № 39 — 3.

Завод № 36 до 1928 г. из подсобных предприятий имел только одну кузницу. После заключения концессионного договора на нем построили рефрижератор и литейную мастерскую. В 1929 г. по разрешению Дальрыбы возвели жиротуковый завод, кухню и новые жилые бараки. В 1934 г. появился холодильник, а высота берега была поднята на три метра установкой капитальных двухрядных свай. До 1929 г. территория имела площадь 800 на 200 м, но использовать всю ее фирма не могла, так как с тыльной части она подпиралась сопкой и имела ширину всего 120 м. Японцы «возбудили ходатайство» об изменении

конфигурации участка за счет его удлинения. В апреле 1929 г. на это было дано разрешение, но в 1937 г. новое руководство Дальрыбы признало его нарушавшим концессионный договор и изменило территорию участка за счет сокращения его длины. Завод снабжался пресной водой из реки Крюгеровки при помощи прорытого через сопку канала и туннеля длиной 276 м.

В 1942 г. завод имел два разделочных станка «Железный китаец» с пропускной способностью 3 300 рыбин в час, шесть набивочных станков, заполнявших в течение часа 4 200 полуфунтовых банок, и один станок на 6 600 банок, по шесть предварительных закаток и вакуум-аппаратов. Девять автоклавов имели общую производительность 6 048 ящ. полуфунтовых банок в сутки. Пароэнергетическое хозяйство предприятия обслуживали пять котлов.

Пойманная рыба до переработки хранилась в рыбохранилище объемом 1 070 куб. м, вмещавшем 348 000 шт. нерок, которые могли одновременно поступать с шести принадлежавших заводу морских участков. Норма их годового вылова устанавливалась в 73 912 ц при арендной плате в 683 380 руб. Рыбохранилище снабжалось снегом из двух снегохранилищ общим объемом 497 куб. м.

Жиротуковый завод мог выпускать 450 кг продукции в час. Мука упаковывалась по 50 кг в двойные джутовые мешки и отправлялась в специальный склад, где размещалась на многоярусных решетках.

В рефрижераторе хранилась наиболее высокосортовая продукция: сосол «арамаки», мороженая рыба, икра, «шведский пласт». Он состоял из семи камер с общей емкостью 3 100 куб. м. В них одновременно могли поместиться 22 900 ящ. арамаки весом около 9 160 ц. Рефрижератор обслуживали два паровых котла, две паровые машины мощностью по 60 и 15 л. с., один двигатель в 80 л. с., три испарителя, два конденсатора и два компрессора. Все это хозяйство освещалось от отдельного динамо мощностью 15 кВт.

Заморозка продукции в охлажденном до температуры минус 23 °С тузлуке производилась в холодильнике. Время заморозки достигало 5,5 часов и зависело от количества рыбы. Холодильник имел 26 камер. Каждая из них делилась на два отделения, имевшие по восемь гнезд для установки противней с рыбой. В каждый противень укладывались по семь штук кеты. Все камеры вмещали 2 192 рыбин или 9,6 т.

Механическая мастерская размещалась в здании консервного завода. В ней стояли паровой двигатель, один электромотор, по два токарных, сверлильных и точильных станка. Это оборудование могло полностью

обеспечить изготовление и ремонт любой детали заводских механизмов. Литейная мастерская располагала двумя плавильными печами, одной воздуходувной машиной и токарным станком по дереву, применявшимся для выделки моделей. Кузница на два горна служила и в качестве газосварочной. Кроме этих подсобных мастерских имелись жестяная и плотницкая, а также лесопилка с одной пилорамой.

Все это обширное хозяйство снабжала энергией электростанция, состоявшая из двух двигателей по 25 л. с., одной паровой машины в 50 л. с. и двух генераторов по 15 и 40 кВт.

В сезон 1942 г. арендаторы прибыли на усть-камчатские заводы с опозданием: вместо обычной середины мая — только 27 июня. Впервые за много лет неводы были поставлены очень поздно: с 1 по 9 июля. В результате этого первые подходы нерки оказались пропущены, а последующие не дали желаемых результатов. Поэтому план был выполнен в объеме около 50 % прошлогоднего. К 10 августа 1942 г. все три завода выловили 1 605 427 рыб и выпустили 74 911 ящ. консервов. Жиротуковый завод выработал 70,9 т муки и 28,9 т жира.

Таковы, в общих чертах, условия, в которых работали японские рыбопромышленники на Камчатке. Действие регламентировавших их двусторонних конвенций и договоров завершилось в сентябре 1945 г. с окончанием Второй мировой войны. Отныне все имущество прежних арендаторов перешло в руки АКО, вскоре преобразованного в Камчатский государственный рыбопромышленный трест. Многолетняя конкуренция между отечественной и японской рыбопромышленностью, протекавшая в рамках одной и той же территории, теперь прекратилась навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Город и горожане

«Пардону» врагу не дали...	3
День памяти защитников Отечества	8
Две войны Петропавловска	12
Будни и праздники нашего города. Год 1916	32
Будни и праздники нашего города. Год 1917	38
У города тоже есть паспорт	47
Петропавловск полвека назад	52
Как выбирали местные Советы в 1939 году	57
А так выбирали в Верховный Совет в 1946 году	65
«Штурмовать далеко море посылала нас страна...»	
Первенцы АКОфлота	71
Как АКО покупало пароходы	76
Краболов «Камчатка» и его капитан	81
Первая зимняя навигация АКО	86
Тревожный рейс «Буревестника»	90
Один год из жизни капитана Щетининой	95
Как «Орочон» спасал «Симу»	105
Эшелон идет на восток	112
Как «Эскимос» возил пассажиров	118
Так начинался камчатский траловый флот	127
Трагедии «Кита» и «Вилюя»	156
Первый рыбацкий танкер	169
Военные будни АКОфлота	186
Первая техническая конференция камчатских рыбаков	202
Какой пароход первым зашел в устье реки Камчатки?	212
Русские и японцы на Камчатке	
Гибель крейсера «Нийтака»	220
Арест японской шхуны	240
Как Усть-Камчатск готовился отражать десант	249
Активное рыболовство Японии в камчатских водах	260
Японская рыбная промышленность на полуострове в 1930—1940-х гг.	270

Автор Гаврилов Сергей Витальевич родился на Камчатке в поселке Озерная в 1962 г. С 1972 г. живет в городе Петропавловске-Камчатском. По образованию инженер-судомеханик, в 1984 г. закончил Дальневосточный технический институт рыбной промышленности и хозяйства. В настоящее время преподает в Камчатском государственном техническом университете на мореходном факультете. В круг научных интересов автора входят история развития судовой техники, проблемы морского транспортного освоения охотско-камчатского побережья, исторические аспекты развития рыбной промышленности Камчатки. Автор книги «Страницы истории судовой энергетики», редактор историко-краеведческого сборника «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки».

Сергей Витальевич Гаврилов

МАЛЕНЬКИЕ КАМЧАТСКИЕ ИСТОРИИ

В авторской редакции

Корректор Е. В. Грикалова
Верстка и макет С. В. Гаврилова

Подписано в печать 30.04.2002.
Формат 60×84/16. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 18,7.
Тираж 1000 экз. Заказ КН-3 02/005.

Камчатский печатный двор. Книжное издательство.
683024, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Лукашевского, 1.

Отпечатано в ОАО «Камчатский печатный двор».
683024, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Лукашевского, 5.